

Джеймс Купер

Последний из могикан

Кожаный Чулок

Джеймс Фенимор Купер

Последний из могикан

«Public Domain»

1826

Купер Д.

Последний из могикан / Д. Купер — «Public Domain»,
1826 — (Кожаный Чулок)

«Может быть, на всем огромном протяжении границы, которая отделяла владения французов от территории английских колоний Северной Америки, не найдется более красноречивых памятников жестоких и свирепых войн 1755–1763 годов, чем в области, лежащей при истоках Гудзона и около соседних с ними озер. Эта местность представляла для передвижения войск такие удобства, что ими нельзя было пренебрегать...»

Содержание

Глава I	5
Глава II	10
Глава III	15
Глава IV	20
Глава V	26
Глава VI	31
Глава VII	37
Глава VIII	43
Глава IX	49
Глава X	53
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Джеймс Купер

Последний из могикан

Глава I

*Готов узнать я самое плохое
И страшное, что ты мне мог принести,
Готов услышать тягостную весть.
Ответь скорей – погибло ль королевство?!
Шекспир¹*

Может быть, на всем огромном протяжении границы, которая отделяла владения французов от территории английских колоний Северной Америки, не найдется более красноречивых памятников жестоких и свирепых войн 1755–1763 годов, чем в области, лежащей при истоках Гудзона и около соседних с ними озер. Эта местность представляла для передвижения войск такие удобства, что ими нельзя было пренебрегать.

Водная гладь Шамплейна тянулась от Канады и глубоко вдавалась в колонию Нью-Йорк; вследствие этого озеро Шамплейн служило самым удобным путем сообщения, по которому французы могли проплыть до половины расстояния, отделявшего их от неприятеля.

Близ южного края озера Шамплейн с ним сливаются хрустально ясные воды Хорикэна – Святого озера.

Святое озеро извивается между бесчисленными островками, и его теснят невысокие прибрежные горы. Изгибами оно тянется далеко к югу, где упирается в плоскогорье. С этого пункта начинался многомильный волок, который приводил путешественника к берегу Гудзона; тут плавание по реке становилось удобным, так как течение свободно от порогов.

Выполняя свои воинственные планы, французы пытались проникнуть в самые отдаленные и недоступные ущелья Аллеганских гор и обратили внимание на естественные преимущества только что описанной нами области. Действительно, она скоро превратилась в кровавую арену многочисленных сражений, которыми враждующие стороны надеялись решить вопрос обладания колониями.

Здесь, в самых важных местах, возвышавшихся над окрестными путями, вырастали крепости; ими овладевала то одна, то другая враждующая сторона; их то срывали, то снова отстраивали, в зависимости от того, чье знамя взвивалось над крепостью.

В то время как мирные земледельцы старались держаться подальше от опасных горных ущелий, скрываясь в старинных поселениях, многочисленные военные силы углублялись в девственные леса. Возвращались оттуда немногие, изнуренные лишениями и тяготами, упавшие духом от неудач.

Хотя этот беспокойный край не знал мирных ремесел, его леса часто оживлялись присутствием человека.

Под сенью ветвей и в долинах раздавались звуки маршей, и эхо в горах повторяло то смех, то вопли многих и многих беззаботных юных храбрецов, которые в расцвете сил спешили сюда, чтобы погрузиться в глубокий сон долгой ночи забвения.

Именно на этой арене кровопролитных войн разворачивались события, о которых мы попытаемся рассказать. Наше повествование относится ко времени третьего года войны между

---

¹ Стихотворные эпиграфы в переводе Р. С. Сефа.

Францией и Англией, боровшимися за власть над страной, которую не было суждено удержать в своих руках ни той, ни другой стороне.

Тупость военачальников за границей и пагубная бездеятельность советников при дворе лишили Великобританию того гордого престижа, который был завоеван для нее талантом и храбростью ее прежних воинов и государственных деятелей. Войска англичан были разбиты горстью французов и индейцев; это неожиданное поражение лишило охраны большую часть границы. И вот после действительных бедствий выросло множество мнимых, воображаемых опасностей. В каждом порыве ветра, доносившемся из безграничных лесов, напуганным поселенцам чудились дикие крики и зловеющий вой индейцев.

Под влиянием страха опасность принимала небывалые размеры; здравый смысл не мог бороться с встревоженным воображением. Даже самые смелые, самоуверенные, энергичные начали сомневаться в благоприятном исходе борьбы. Число трусливых и малодушных невероятно возрастало; им чудилось, что в недалеком будущем все американские владения Англии сделаются достоянием французов или будут опустошены индейскими племенами – союзниками Франции.

Поэтому-то, когда в английскую крепость, возвышавшуюся в южной части плоскогорья между Гудзоном и озерами, пришли известия о появлении близ Шамплейна маркиза Монкальма и досужие болтуны добавили, что этот генерал движется с отрядом, «в котором солдат что листьев в лесу», страшное сообщение было принято скорее с трусливой покорностью, чем с суровым удовлетворением, которое следовало бы чувствовать воину, обнаружившему рядом с собой врага. Весть о наступлении Монкальма пришла в разгар лета; ее принес индеец в тот час, когда день уже клонился к вечеру. Вместе со страшной новостью гонец передал командиру лагеря просьбу Мунро, коменданта одного из фортов на берегах Святого озера, немедленно выслать ему сильное подкрепление. Расстояние между фортом и крепостью, которое житель лесов проходил в течение двух часов, военный отряд, со своим обозом, мог покрыть между восходом и заходом солнца. Одно из этих укреплений верные сторонники английской короны называли фортом Уильям-Генри, а другое – фортом Эдвард, по имени принцев королевского семейства. Ветеран-шотландец Мунро командовал фортом Уильям-Генри. В нем стоял один из регулярных полков и небольшой отряд колонистов-волонтеров; это был гарнизон, слишком малочисленный для борьбы с подступавшими силами Монкальма.

Должность коменданта во второй крепости занимал генерал Вебб; под его командованием находилась королевская армия численностью свыше пяти тысяч человек. Если бы Вебб соединил все свои рассеянные в различных местах отряды, он мог бы выдвинуть против врага вдвое больше солдат, чем было у предприимчивого француза, который отважился уйти так далеко от своего пополнения с армией не намного больше, чем у англичан.

Однако напуганные неудачами английские генералы и их подчиненные предпочитали дожидаться в своей крепости приближения грозного неприятеля, не рискуя выйти навстречу Монкальму, чтобы превзойти удачное выступление французов у Дюкеснского форта, дать врагу сражение и остановить его.

Когда улеглось первое волнение, вызванное страшным известием, в лагере, защищенном траншеями и расположенном на берегу Гудзона в виде цепи укреплений, которые прикрывали самый форт, прошел слух, что полуторатысячный отборный отряд на рассвете должен двинуться из крепости к форту Уильям-Генри. Слух этот скоро подтвердился; узнали, что несколько отрядов получили приказ спешно готовиться к походу. Все сомнения по поводу намерений Вебба рассеялись, и в течение двух-трех часов в лагере слышалась торопливая беготня, мелькали озабоченные лица. Новобранец тревожно сновал взад и вперед, суетился и чрезмерным рвением своим только замедлял сборы к выступлению; опытный ветеран вооружался вполне хладнокровно, неторопливо, хотя строгие черты и озабоченный взгляд ясно говорили, что страшная борьба в лесах не особенно радует его сердце.

Наконец солнце скрылось в потоке сияния на западе за горами, и, когда ночь окутала своим покровом это уединенное место, шум и суeta приготовлений к походу смолкли; в бревенчатых хижинах офицеров погас последний свет; ступившие тени деревьев легли на земляные валы и журчащий поток, и через несколько минут весь лагерь погрузился в такую же тишину, какая царила в соседних дремучих лесах.

Согласно приказу, отданному накануне вечером, глубокий сон солдат был нарушен оглушительным грохотом барабанов, и раскатистое эхо далеко разносилось во влажном утреннем воздухе, гулко отдаваясь в каждом лесном углу; занимался день, безоблачное небо светлело на востоке, и очертания высоких косматых сосен выступали на нем все отчетливее и резче. Через минуту в лагере закипела жизнь; даже самый нерадивый солдат и тот поднялся на ноги, чтобы видеть выступление отряда и вместе с товарищами пережить волнение этой минуты. Несложные сборы выступавшего отряда скоро закончились. Солдаты построились в боевые отряды. Королевские наемники красовались на правом фланге; более скромные волонтеры, из числа поселенцев, покорно заняли места слева.

Выступили разведчики. Сильный конвой сопровождал повозки с походным снаряжением, и, прежде чем первые лучи солнца пронизали серое утро, колонна тронулась в путь. Покидая лагерь, колонна имела грозный, воинственный вид; этот вид должен был заглушить смутные опасения многих новобранцев, которым предстояло выдержать первые испытания в боях. Солдаты шли мимо своих восхищенных товарищей с гордым и воинственным выражением. Но постепенно звуки военной музыки стали замолкать в отдалении и наконец совсем замерли. Лес сомкнулся, скрывая от глаз отряд. Теперь ветер не доносил до оставшихся в лагере даже самых громких, пронзительных звуков, последний воин исчез в лесной чаще.

Тем не менее, судя по тому, что делалось перед самым большим и удобным из офицерских барачков, еще кто-то готовился двинуться в путь. Перед домиком Вебба стояло несколько великолепно оседланных лошадей; две из них, очевидно, предназначались для женщин высокого звания, которые не часто встречались в этих лесах. В седле третьей красовались офицерские пистолеты. Остальные кони, судя по простоте уздечек и седел и привязанным к ним выюкам, принадлежали низшим чинам. Действительно, совсем уже готовые к отъезду рядовые, очевидно, ждали только приказа начальника, чтобы вскочить в седла. На почтительном расстоянии стояли группы праздных зрителей: одни из них любовались чистой породой офицерского коня, другие с тупым любопытством следили за приготовлениями к отъезду.

Однако в числе зрителей был один человек, манеры и осанка которого выделяли его из числа прочих. Его фигура не была безобразна, а между тем казалась донельзя нескладной. Когда этот человек стоял, он был выше остальных людей, зато сидя он казался не крупнее своих собратьев. Его голова была чересчур велика, плечи слишком узки, руки длинные, неуклюжие, с маленькими, изящными кистями. Худоба его необыкновенно длинных ног доходила до крайности, колени были непомерно толсты. Станный, даже нелепый костюм чудака подчеркивал несуразность его фигуры. Низкий воротник небесно-голубого камзола совсем не прикрывал его длинной, худой шеи, короткие полы кафтана позволяли насмешникам потешаться над его тонкими, длинными ногами. Желтые узкие нанковые брюки доходили до колен, тут они были перехвачены большими белыми бантами, истрепанными и грязными. Серые чулки и башмаки довершали костюм неуклюжей фигуры. На одном башмаке чудака красовалась шпора из накладного серебра. Из объемистого кармана его жилета, сильно испачканного и украшенного почерневшими серебряными галунами, выглядывал неведомый инструмент, который среди этого военного окружения можно было ошибочно принять за некое таинственное и непонятное орудие войны. Высокая треугольная шляпа, вроде тех, какие лет тридцать назад носили пасторы, увенчивала голову чудака и придавала почтенный вид добродушным чертам лица этого человека.

Группа рядовых держалась в почтительном отдалении от дома Вебба; но та фигура, которую мы только что описали, смело вмешалась в толпу генеральских слуг. Станный человек без стеснения осматривал лошадей, одних хвалил, других бранил.

– Вот этот конек не доморощенный, его, вероятно, выписали из-за границы... может быть, даже с острова, лежащего далеко-далеко, за синими морями, – сказал он голосом, который поражал своей благозвучной мягкостью, так же как удивляла вся его фигура своими необычными пропорциями. – Скажу без хвастовства: я могу смело рассуждать о подобных вещах. Я ведь побывал в обеих гаванях: и в той, что расположена при устье Темзы и называется по имени столицы старой Англии, и в той, что зовется просто Нью-Хейвен – Новой гаванью. Я видел, как бригантины и барки собирали животных, точно для ковчега, и отправляли их на остров Ямайка; там этих четвероногих продавали или выменивали. Но такого коня я никогда не видывал. Как это сказано в Библии? «Он нетерпеливо роет копытами землю долины и радуется своей силе; он несется навстречу воинам. Среди трубных звуков он восклицает: „Ха, ха!“ Он издали чувствует битву и слышит воинский клич». Это древняя кровь, не правда ли, друг?

Не получив ответа на свое столь необычное обращение, которое было высказано с такой полнотой и силой звучного голоса, что заслуживало некоторого внимания, он обернулся к молчаливо стоявшему человеку, его невольному слушателю, и новый, еще более достойный восхищения объект предстал перед взором чудака. Он с удивлением остановил свой взгляд на неподвижной, прямой и стройной фигуре индейца-скалохода, который принес в лагерь невестные вести.

Хотя индеец стоял точно каменный и, казалось, не обращал ни малейшего внимания на шум и оживление, царившие вокруг, черты его спокойного лица в то же время выражали угрюмую свирепость, которая непременно привлекла бы к себе внимание и более опытного наблюдателя, чем тот, кто разглядывал его теперь с нескрываемым удивлением. Индеец был вооружен томагавком и ножом, а между тем не был похож на заправского воина. Напротив, во всем его облике сквозила небрежность, происходившая, возможно, от какого-то большого недавнего напряжения, от коего он еще не успел оправиться. На суровом лице туземца военная окраска расплылась, и от этого его темные черты невольно выглядели еще более дико и отталкивающе, чем в искусных узорах, наведенных для устрашения врагов. Лишь глаза его, сверкавшие, словно яркие звезды меж туч, горели дикой злобой. Только на одно мгновение пристальный мрачный взгляд скалохода поймал удивленное выражение глаз наблюдателя и тотчас же, отчасти из хитрости, отчасти из пренебрежения, обратился в другую сторону, куда-то далеко-далеко в пространство.

Вдруг засуетились слуги, слышались нежные женские голоса, и все это возвестило о приближении тех, кого ожидали, чтобы вся кавалькада двинулась в путь. Человек, любовавшийся конем офицера, внезапно отступил к своей собственной низкорослой худой лошади с подвязанным хвостом, которая пощипывала сухую траву; одним локтем он оперся на шерстяное одеяло, заменявшее ему седло, и стал следить за отъезжающими. В это время с противоположной стороны к его кляче подошел жеребенок и принялся лакомиться ее молоком.

Юноша в офицерском мундире подвел к лошадям двух девушек, которые, судя по их костюмам, приготовились к утомительному странствию через леса.

Вдруг ветер откинул длинную зеленую вуаль, прикрепленную к шляпе той из них, что казалась младшей (хотя они обе были очень молоды); из-под вуали показались ослепительно белое лицо, золотистые волосы, блестящие синие глаза. Нежные краски неба, все еще разливавшиеся над соснами, не были столь ярки и прекрасны, как румянец ее щек; начинавшийся день не был столь светел, как ее оживленная улыбка, которой она наградила молодого человека, помогавшего ей сесть в седло.

Офицер с таким же вниманием отнесся и ко второй всаднице, чье лицо заботливо скрывала вуаль. Она казалась старше сестры и была немного полнее.

Как только девушки сели на лошадей, молодой человек легко вскочил в седло. Все трое поклонились генералу Веббу, вышедшему на крыльцо, чтобы проводить путников, повернули лошадей и легкой рысью двинулись к северному выезду из лагеря. Несколько нижних чинов поехали вслед за ними. Пока отъезжающие пересекали пространство, отделявшее их от большой дороги, никто из них не произнес ни слова, только младшая из всадниц слегка вскрикнула, когда мимо нее неожиданно проскользнул индеец-скачок и быстрой легкой поступью двинулся по военной дороге. Старшая из сестер при появлении индейца-скачка не проронила ни звука. От удивления она выпустила складки вуали, и ее лицо открылось. Сожаление, восхищение и ужас мелькнули в ее чертах. Волосы этой девушки были цвета воронова крыла. На незагорелом лице ее играли яркие краски, хотя в нем не было ни малейшего оттенка вульгарности. Ее черты отличались тонкостью, благородством и поразительной красотой. Словно сожалея о своей забывчивости, она улыбнулась, блеснул ряд ровных зубов, белизна которых могла соперничать с лучшей слоновой костью.

Потом, поправив вуаль, она опустила голову и продолжала свой путь в молчании, подобно человеку, чьи мысли были далеки от всего окружающего.

Глава II

О-ла! О-ла! Где вы? О-ла!
Шекспир. «Венецианский купец»

В то время как одна из двух очаровательных девушек, которых мы так бегло представили читателю, была поглощена собственными мыслями, младшая, быстро оправившись от мгновенного испуга, засмеялась над своим страхом и сказала офицеру, который ехал рядом с ней:

– Скажите, Дункан, такие привидения часто встречаются в здешних лесах или это представление было организовано в нашу честь? Если так, то мы должны быть благодарны, но в ином случае нам с Корой понадобится все наше мужество, раньше чем мы встретимся со страшным Монкальмом.

– Этот индеец-скороход при нашем отряде и, по понятиям своего племени, герой, – сказал молодой офицер. – Он вызвался проводить нас до озера по малоизвестной тропинке, которая сильно сокращает путь. Благодаря этому мы явимся на место скорее, чем следуя за нашим отрядом.

– Он мне не нравится, – ответила девушка и притворно вздрогнула, хотя ей было действительно страшно. – Вы хорошо знаете его, Дункан? Ведь в противном случае вы, конечно, не доверяли бы ему.

– Скорее я бы не доверился вам, Алиса. Я знаю этого индейца, иначе я не выбрал бы его проводником, особенно в такую минуту. Говорят, Магуа – уроженец Канады, а между тем служит нашим друзьям мохокам, которые, как вам известно, принадлежат к числу шести союзных племен.² Мне говорили, что он попал сюда по какой-то странной случайности, имевшей отношение к вашему отцу. Кажется, генерал жестоко поступил с этим индейцем... Впрочем, я позабыл эту досужую болтовню. Достаточно того, что теперь он наш друг.

– Если он был врагом моего отца, тем хуже для нас, – заметила девушка, встревожившись не на шутку. – Майор Хейворд, пожалуйста, заговорите с ним, мне хочется услышать звук его голоса. Может быть, это глупо, но я всегда сужу о человеке по его голосу.

– Если я заговорю с ним, это, по всей вероятности, ни к чему не поведет, – проговорил Хейворд. – Он ответит мне каким-либо односложным восклицанием. Мне кажется, Магуа понимает по-английски, но делает вид, что не знает нашего языка. Кроме того, он вряд ли пожелает вести со мной разговор теперь, когда военное время требует от него свято блюсти достоинство воина... Но смотрите, наш проводник остановился. Очевидно, тут начинается тропинка, на которую нам придется свернуть.

Дункан был прав. Когда всадники подъехали к индейцу, который неподвижно стоял, указывая на чашу кустов, окаймлявших военную дорогу, они разглядели тропинку, настолько узкую, что по ней можно было ехать только гуськом.

– Мы должны свернуть на эту дорожку, – шепотом сказал Хейворд. – Не выражайте никаких опасений, не то вы навлечете на себя именно ту опасность, которой боитесь.

– Кора, как ты думаешь, не безопаснее ли ехать вместе с отрядом? – спросила сестру златокудрая Алиса. – Хотя это будет более утомительно...

– Алиса, вы плохо знаете обычаи и привычки дикарей, а потому не понимаете, в каких случаях следует бояться, – возразил Хейворд. – Если неприятель уже дошел до волока, что совершенно невероятно, так как наши разведчики донесли бы нам об этом, он стал бы, оче-

---

² Союз шести племен – мохоки, онайды, сенеки, кайюги, онондаги и тускароры, родственные племена, враждовавшие с племенами ленапов (могикан и делаваров). Эти шесть племен носили различные прозвища. Их часто называли макуасами, мингами или ирокезами.

видно, окружать наш отряд, надеясь добыть побольше скальпов. Путь отряда известен всем, наша же дорожка еще составляет тайну, так как мы решили ехать по ней всего лишь час назад.

– Неужели мы не должны верить этому человеку только потому, что его движения и повадки не похожи на наши, а цвет его лица темнее кожи белых? – холодно спросила Кора.

Алиса перестала колебаться; она ударила хлыстом своего нарраганзета,³ первая раздвинула ветви и поехала вслед за скороходом по темной узкой лесной тропинке. Хейворд с восхищением смотрел на Кору; он не заметил даже, что ее белокурая спутница одна углубилась в чащу. Слуги, повинувшись полученному заранее приказанию, не последовали за ними, а двинулись вдогонку за отрядом. Хейворд объяснил девушкам, что это было сделано из осторожности, по совету их хитрого проводника: индеец желал уменьшить количество следов на случай, если бы сюда забрели разведчики канадских племен. Тернистая тропа не располагала к разговору; вскоре путники миновали широкую опушку густого леса и очутились под темными сводами больших деревьев. Дорога стала удобнее; скороход, заметивший, что молодые всадники теперь лучше управляли своими лошадьми, прибавил шагу, и Коре с Алисой пришлось пустить нарраганзетов иноходью. Хейворд обернулся было, чтобы сказать что-то черноглазой Коре, но в эту минуту раздался отдаленный звук копыт, стучавших по корням на тропинке. Это заставило молодого человека остановить своего коня. Кора и Алиса тоже натянули поводья. Все трое хотели узнать, в чем дело.

Через несколько мгновений они увидели жеребенка, который, точно олень, несясь между стволами сосен; вслед за ним появилась нескладная фигура, описанная нами в предыдущей главе. Неуклюжий незнакомец приближался со всей скоростью, на какую только была способна его тощая лошадь. До настоящего мгновения эта фигура находилась вне поля зрения путешественников. Если он обычно привлекал любопытных своим высоким ростом, то его «грация» как наездника заслуживала еще большего внимания. То и дело одной ногой шпорил он свою клячу, но добивался только того, что ее задние ноги шли легким галопом, тогда как передние делали какие-то неопределенные, постоянно изменявшиеся движения, похожие на хромую рысь. Частая смена рыси галопом создавала оптический обман, вследствие которого казалось, будто лошадь движется быстрее, нежели это было на самом деле; во всяком случае, знаток коней Хейворд никак не мог решить, каким аллюром двигалось бедное животное, подгоняемое шпорой настойчивого всадника.

Все движения как всадника, так и коня были необычны. При каждом шаге лошади незнакомец приподнимался в стремях и, то слишком выпрямляя, то непомерно сгибая ноги, внезапно вырастал, а потом сгибался так, что положительно никто не мог бы судить о его росте. Если к этому прибавить, что под действием его шпоры одна сторона лошади, казалось, бежала скорее, чем другая, а движения ее косматого хвоста беспрестанно указывали, который ее бок страдает от шпоры, мы довершим изображение клячи и ее наездника.

Морщинки, которые легли было на красивый, открытый, мужественный лоб Хейворда, постепенно разгладились, и он слегка улыбнулся. Алиса не сдержала смеха. И даже в темных задумчивых глазах Кору блеснула усмешка.

– Вы хотите видеть кого-нибудь из нас? – спросил Дункан, когда странный всадник подъехал и задержал лошадь. – Надеюсь, вы не привезли нам дурных известий?

– Вот именно, – ответил незнакомец, размахивая своей треугольной шляпой, чтобы привести в движение душный лесной воздух, и предоставив слушателям решать, к какой части вопроса относится его замечание. Однако, освежив свое разгоряченное лицо и отдышавшись, чужак прибавил: – Говорят, вы едете в форт Уильям-Генри. Я направляюсь туда же, а потому решил, что всем нам доставит удовольствие совершить этот переезд в приятном обществе.

---

³ Нарраганзет – лошадь очень выносливой породы.

– Вы, кажется, присвоили себе право решающего голоса, – возразил Хейворд. – Но нас трое, вы же посоветовались только с одним собой.

– Вот именно. Самое главное – это узнать свои собственные желания, а когда это уже известно, то остается только выполнить свое намерение. Поэтому-то я и догнал вас.

– Если вы едете к озеру, вы ошиблись дорогой, – высокомерно заметил Дункан. – Большая дорога осталась по крайней мере на полмили позади вас.

– Вот именно, – ответил странный всадник, нимало не смущенный холодным приемом. – Я прожил всего неделю в Эдварде и не спросил бы, по какой дороге мне нужно ехать, только в том случае, если бы онемел, а немой я погиб бы для избранной мной профессии. – Он слегка хихикнул, словно скромность не позволяла ему открыто восхищаться своим остроумием, которое было совершенно непонятно слушателям, и потом продолжал: – Со стороны человека моей профессии неосторожно слишком запросто держаться с людьми, которых он должен поучать; вот причина, по которой я не поехал вслед за отрядом. Кроме того, я считаю, что такой джентльмен, как вы, конечно, лучше всех других может руководить путниками. Это соображение заставило меня присоединиться к вашему обществу. И наконец, с вами мне будет веселее ехать: мы можем беседовать.

– Какое самовольное и необдуманное решение! – воскликнул Хейворд, не зная, дать ли волю раздражению или расхохотаться в лицо незнакомцу. – Но вы говорите о поучениях и о профессии. Кто вы? Не учитель ли, преподающий благородную науку обвинений и защиты? Или вы один из тех, что вечно чертят прямые линии да углы, говоря, будто они занимаются математикой?

Незнакомец с явным удивлением посмотрел на Хейворда, потом без самодовольства, напротив, с величайшим и торжественным смирением ответил:

– Надеюсь, ни о каких обвинениях речь не идет; о защите я не помышляю, так как, по милости божией, не совершил никакого великого греха. Вашего намека на линии и углы я совершенно не понял; дело обучения ближних я предоставляю тем, кто избран совершать это святое дело. Я предъявляю только притязания на светлое искусство псалмопения, на умение возносить хвалы и славословия.

– Это, очевидно, ученик Аполлона, – смеясь, воскликнула Алиса, – и я принимаю его под свое особое покровительство!.. Полно, Хейворд, перестаньте хмуриться. Вообразите, что мой слух жаждет нежных звуков, и позвольте этому чудаку остаться с нами. Кроме того, – прибавила она, торопливо и искоса взглянув на опередившую их Кору, которая медленно ехала вслед за мрачным индейцем, – в случае нужды у нас окажется лишний друг и союзник.

– Неужели, Алиса, вы думаете, что я решился бы вести по этой незнакомой тропинке тех, кого люблю, если бы мог предполагать, что нас ждет какая-нибудь опасность?

– Нет, нет, я этого не думаю. Но этот странный человек забавляет меня, и, если действительно в его душе звучит музыка, не будем грубо отталкивать его.

Она повелительно указала хлыстом на дорогу. Хейворд встретился глазами с Алисой и хотел было продлить этот взгляд, но, подчиняясь воле девушки, прищипорил коня и через несколько прыжков очутился рядом с Корой.

Алиса знаком подозвала к себе незнакомца и пустила своего нарраганзета легкой иноходью.

– Я рада, что встретила вас, друг мой. Пристрастные родственники утверждают, что я недурно исполняю дуэты, – шутливо сказала она. – Значит, мы могли бы скрасить путешествие, предаваясь нашему любимому искусству. Кроме того, было бы приятно услышать мнение маэстро о моем голосе.

– Действительно, псалмопение освежает и дух и тело, – ответил незнакомец, подъехав поближе к Алисе, – и, конечно, как ничто на свете, успокаивает взволнованную душу. Однако для полной гармонии нужны четыре голоса. Очевидно, у вас приятное, богатое сопрано; я, при

известном усилии, могу брать самые высокие теноровые ноты. Но нам не хватает контральто и баса. Конечно, офицер королевской армии, так долго не желавший принять меня в свое общество, мог бы петь басовую партию... Судя по тонам, звучавшим в его разговоре, у него бас.

– Не судите опрометчиво по внешним признакам: они обманчивы, – улыбаясь, возразила молодая девушка. – Правда, майор Хейворд иногда говорит на низких нотах, но, поверьте, его обыкновенный голос гораздо ближе к сладкому тенору, чем к тому басу, который вы слышали.

– Много ли он упражнялся в искусстве псалмопения? – спросил Алису ее простодушный собеседник.

Алиса была склонна рассмеяться, но ей удалось подавить приступ веселья, и она ответила:

– Мне кажется, что Хейворд отдает предпочтение светским песням. Условия солдатской жизни мало располагают к степенным занятиям.

– Благозвучный голос, как и все другие таланты, даруется человеку для того, чтобы он употреблял его на пользу своим ближним и не злоупотреблял им. Меня никто не может упрекнуть в том, что я давал своему таланту неверное направление.

– Вы занимаетесь только духовным пением?

– Вот именно. Как псалмы Давида превосходят все другие поэтические произведения, так и мелодии, на которые они переложены, стоят превыше всех светских песен. Где бы я ни останавливался, по каким бы странам ни путешествовал – ни во время сна, ни в минуты бдения я не расстаюсь с любимой книгой, изданной в Бостоне в 1744 году, под заглавием «Псалмы, гимны и священные песни Ветхого и Нового завета, переведенные английскими стихами для поучения и утешения истинно верующих в общественной и частной жизни, преимущественно в Новой Англии».

При этих словах чудак вынул из кармана книжку и, надев на нос очки в железной оправе, открыл томик с осторожностью и почтением, которых требует обращение со священными предметами. Потом, без дальнейших рассуждений и объяснений, он вложил в рот какой-то странный инструмент. Послышался пронзительный, высокий звук. Вслед за тем псалмопевец взял голосом ноту октавой ниже и наконец запел. Понеслись нежные, мелодичные звуки; даже спокойное движение лошади не помешало пению.

О, как отрадно это —
Жить в братстве и труде,
Как будто благовония
Текут по бороде!

Псалмопевец все время отбивал такт правой рукой. Опуская ее, он слегка касался страниц книги; поднимая же, размахивал ею с особым искусством. Его рука не переставала двигаться, пока не замер последний звук.

Тишина леса была нарушена. Магуа повернулся к Дункану и пробормотал несколько слов на ломаном английском языке, а Хейворд, в свою очередь, заговорил с незнакомцем, прервав его музыкальные упражнения:

– Сейчас, по-видимому, не предвидится никакой опасности, но все же ради простой осторожности нам следует ехать без шума. Мне придется, Алиса, лишить вас удовольствия и просить этого джентльмена отложить пение до более благоприятного времени.

– Действительно, вы лишаете меня большого удовольствия, – с лукавой усмешкой ответила девушка. – Право, мне еще никогда не случалось слышать, чтобы так превосходно пели столь бессмысленные слова! Я уже собиралась спросить нашего спутника о причинах такого странного несоответствия, но ваш громовой бас, Дункан, прервал нить моих размышлений.

– Не понимаю, почему вы называете мой голос громовым басом? – произнес Хейворд, слегка обиженный ее словами. – Я знаю только одно: что безопасностью вашей и Кору дорожу несравненно больше, нежели всей музыкой Генделя.⁴

Молодой офицер замолчал и посмотрел в сторону чаши, потом искося и подозрительно взглянул на Магуа, который шел по-прежнему спокойно и невозмутимо. Увидав это, молодой человек улыбнулся, потешаясь над собственными тревогами: разве не принял он только что блики света на каких-то блестящих лесных ягодах за горящие зрачки притаившегося в листве индейца! Теперь майор ехал спокойно, продолжая разговор, прерванный мелькнувшими в его уме опасениями.

Но Хейворд сделал великую ошибку, позволив своей юношеской гордости заглушить голос осторожности.

Едва спутники проехали несколько шагов, как ветви кустов осторожно и бесшумно раздвинулись и из них выглянуло свирепое лицо в грозной боевой раскраске.

Злобное торжество осветило темные черты жителя лесов, провожавшего взглядом маленький беззаботный отряд. Легкие и грациозные всадницы то исчезали, то появлялись среди ветвей; за ними двигался отважный майор на своей превосходной лошади, а позади всех – нескладный псалмопевец. Наконец и его фигура скрылась среди темных стволов глухого леса.

---

⁴ Гендель Георг-Фридрих (1685–1759) – немецкий композитор.

Глава III

*А раньше здесь пестрел ковер
Возделанных и тучных нив.
Стеной стоял дремучий бор,
И бурных рек гремел разлив,
И мчал поток, и пел ручей,
И бил фонтан в тени ветвей.*

Брайант

Предоставим ничего не подозревавшему Хейворду и его доверчивым спутникам углубляться в дремучий лес, населенный вероломными жителями, и, используя свое авторское право, перенесем место действия нашего рассказа на несколько миль к западу от того места, где мы их видели последний раз.

В этот день два человека сидели на берегу небольшого, но очень быстрого потока, протекавшего на расстоянии одного часа пути от лагеря Вебба. По-видимому, они ждали появления какого-то человека или начала каких-то событий. Могучая стена леса доходила до самого берега речки; ветви густых деревьев свешивались к воде, бросая на нее темную тень. Солнце уже не жгло с такой силой, дневной зной спал, и прохладные испарения ручьев и ключей легкой дымкой висели в воздухе. Нерушимая тишина, царившая в этом лесном уголке, прерывалась по временам ленивым постукиванием дятла, резким криком пестрой сойки или глухим однообразным гулом отдаленного водопада, доносимым ветром.

Но эти слабые обрывки звуков были хорошо знакомы жителям лесов и не отвлекали их внимания от разговора. Красный цвет кожи одного из собеседников и его одежда обличали в нем воина-индейца. Загорелое лицо другого, одетого тоже в очень простое и грубое платье, было гораздо светлее, он казался несомненным потомком европейских переселенцев.

Краснокожий сидел на краю мшистого бревна и спокойными, но выразительными движениями рук подчеркивал свои слова. Его почти обнаженное тело являло собой ужасную эмблему смерти: оно было расписано черной и белой красками, что придавало человеку вид скелета. На бритой голове индейца была только одна прядь волос, украшением же служило лишь орлиное перо, спускавшееся на левое плечо. Из-за пояса виднелись томагавк и скальпировальный нож английского производства. На мускулистом колене небрежно лежало короткое солдатское ружье, одно из тех, какими англичане вооружали своих краснокожих союзников.

Все в этом воине – широкая грудь, прекрасное телосложение и горделивая осанка – доказывало, что он достиг полного расцвета сил, но еще не начал приближаться к старости.

Судя по фигуре белого, можно было сказать, что он с самой ранней юности познакомился с лишениями и невзгодами. Он был мускулист, скорее худощав, чем толст, каждый напряженный нерв и стальной мускул его тела говорили о том, что жизнь этого человека была подвержена беспрестанному риску и проходила в тяжелом труде; одежда его состояла из охотничьей рубашки зеленого цвета, окаймленной желтой бахромой; голову прикрывала летняя кожаная шляпа.

За поясом охотника торчал нож, но томагавка у него не было. По обычаю краснокожих, его мокасины украшала пестрая отделка, кожаные штаны были зашнурованы по бокам, а выше колен перевязаны оленьими жилами. Кожаная сумка и рог с порохом довершали его снаряжение; у ствола соседнего дерева стояло его очень длинное ружье. В небольших глазах этого охотника или разведчика светились живость, проницательность и ум. Во время разговора он оглядывался по сторонам, то ли высматривая дичь, то ли опасаясь какого-нибудь скрытого

нападения. Несмотря на обычную подозрительность, лицо его казалось не только бесхитростным, но в тот момент, о котором идет речь, было преисполнено безукоризненной честностью.

– Предания твоего племени, Чингачгук, говорят, что я прав, – сказал он.

Беседа велась на том наречии, которое было знакомо всем туземцам, занимавшим область между Гудзоном и Потомаком, и мы будем для удобства читателя давать лишь вольный перевод, стараясь, однако, сохранить некоторые особенности речи собеседников.

– Твои отцы пришли из страны заходящего солнца, переправились через большую реку,⁵ сразились с местными жителями и завладели их землями. Мои предки пришли от красной утренней зари, переплыли через Соленое Озеро и поступили так же, как твои родоначальники. Не будем же спорить об этом и попусту тратить слова.

– Мои праотцы сражались с обнаженными краснокожими людьми, – сурово ответил индеец на том же языке. – Скажи, Соколиный Глаз, разве ты не видишь разницы между стрелой с каменным острием и свинцовой пулей, которой ты приносишь смерть?

– Природа дала индейцу красную кожу, но у него есть разум, – сказал белый, покачивая головой, словно человек, для которого этот призыв к справедливости не прошел впустую. На мгновение показалось, что ему пришло в голову только слабое доказательство, но потом, собравшись с мыслями, он ответил на возражение своего соперника наилучшим образом, насколько ему это позволяли его скудные знания. – Я неученый человек и не скрываю этого, однако, судя по тому, что я видел во время охоты на оленей и белок, мне кажется, что ружье в руках моих дедов было менее опасно, нежели лук и хорошая кремниевая стрела, которую посылал в цель зоркий глаз индейца.

– Все это ты слышал от твоих отцов, – холодно ответил краснокожий, махнув рукой. – Но что говорят ваши старики? Разве они говорят воинам, что бледнолицые были встречены краснокожими в военной раскраске, с каменными топорами и деревянными ружьями в руках?

– У меня нет пристрастий, я не хвастаюсь преимуществами своего рождения, хотя мой злейший враг – макуас – не посмеет отрицать, что я чистокровный белый, – ответил охотник, с тайным удовлетворением разглядывая свою потемневшую, жилистую, костлявую руку. – Но я охотно признаюсь, что не одобряю многих и очень многих поступков моих соотечественников. Один из обычаев этих людей – заносить в книги все, что они видели или сделали, вместо того чтобы рассказать обо всем в поселениях, где всякая ложь трусливого хвастуна немедленно обнаружится, а храбрый солдат сможет призвать в свидетели собственным правдивым словам своих же товарищей. И поэтому многие ничего не узнают о настоящих делах отцов своих и не будут стараться превзойти их. Что касается меня, то в обращении с ружьем у меня прирожденные способности, и это, наверное, передается из поколения в поколение, ибо, как говорят наши священные заповеди, хорошее и плохое наследуется. Впрочем, я бы не хотел отвечать за других. Каждую историю можно рассматривать с двух сторон. Скажи мне, Чингачгук, что говорят предания краснокожих о первой встрече твоих дедов с моими?

Наступило молчание. Индеец долго не говорил ни слова; наконец, полный сознания важности того, что он скажет, он начал рассказ, и в его тоне зазвучала торжественная искренность:

– Слушай, Соколиный Глаз, и твои уши не воспримут лжи! Вот что говорили мои отцы, вот что совершили могикане! Мы пришли оттуда, где солнце вечером прячется за необъятные равнины, на которых пасутся стада бизонов, и безостановочно двигались до великой реки. Тут мы вступили в борьбу с аллигевами и бились, пока земля не покраснела от их крови. От берегов великой реки до Соленого Озера мы не встретили никого, только одни макуасы издали следили за нами. Мы сказали, что весь этот край наш. Мы мужественно завоевали этот край и охраняли его, как сильные и смелые мужи. Мы прогнали макуасов в леса, полные медведей, и

---

⁵ Миссисипи.

они добывали для себя соль только из ям пересохших соленых источников. Эти псы не выловили ни одной рыбы из Великого Озера, и мы бросали им одни кости...

– Обо всем этом я уже слышал и всему верю, – сказал белый охотник, видя, что индеец замолчал. – Но ведь все, о чем ты рассказываешь, случилось задолго до того времени, когда пришли англичане.

– Тогда сосны росли там, где теперь поднимаются каштаны. Первые бледнолицые, пришедшие к нам, говорили не по-английски. Они приплыли в большой пироге. Это случилось в те дни, когда мои отцы вместе со всеми окрестными племенами зарыли свой томагавк.⁶ И тогда... – произнес Чингачгук, и глубокое волнение выразилось только в тоне его голоса, – тогда, Соколиный Глаз, мы составляли один народ. Мы были счастливы! Соленое Озеро давало нам рыбу, леса – оленей, воздух – птиц. У нас были жены, которые приносили нам детей. Мы поклонялись Великому Духу, и макуасы боялись наших победных песен...

– А ты знаешь, что было в то время с твоими предками? – спросил белый. – Должно быть, они были храбрыми, честными воинами и, сидя в советах вокруг костров, давали соплеменникам мудрые наставления.

– Мое племя – прадед народов, но в моих жилах нет ни капли смешанной крови, в них кровь вождей – чистая, благородная кровь, и такой она останется навсегда. На наши берега высадились голландцы. Белые дали моим праотцам огненную воду; они стали пить ее; пили с жадностью, пили до тех пор, пока им не почудилось, будто земля слилась с небом. И они решили, что увидели наконец Великого Духа. Тогда моим отцам пришлось расстаться со своей родиной. Шаг за шагом их оттесняли от любимых берегов. И вот теперь я, вождь и сагамор⁷ индейцев, вижу лучи солнца только сквозь листву деревьев и никогда не могу подойти к могилам моих праотцев.

– Могилы внушают благоговейный трепет, – заметил собеседник индейца, растроганный благородной и сдержанной печалью Чингачгука, – и они часто помогают человеку в его благих начинаниях; правда, что касается меня, то я бы хотел, чтобы мои кости остались белеть в лесах или были разодраны на части волками. Но скажи, где живут представители твоего рода, потомки людей, которые пришли в делаварскую землю много весен назад?

– Ответь мне, куда исчезли, куда скрылись цветы давно улетевших летних дней? Они упали, осыпались. Так погиб и весь мой род: все могикане, один за другим, отошли в страну духов. Я стою на вершине горы, но скоро придет время спускаться вниз. Когда же и Ункас уйдет вслед за мной, тогда истощится кровь сагаморов: ведь мой сын – последний из могикан!

– Ункас здесь, – послышался мягкий молодой голос. – Кто упомянул об Ункасе?

Белый охотник поспешно вынул свой нож из ножен и невольно потянулся за ружьем. Чингачгук же, заслышав голос, остался спокойно сидеть и даже не повернул головы.

В следующее мгновение показался молодой индеец; беззвучными шагами он проскользнул между двумя друзьями и сел на берегу быстрого потока. Ни одним звуком не выразил индеец-отец своего удивления. В течение многих минут не слышалось ни вопросов, ни ответов; каждый, казалось, ждал удобного мгновения, чтобы прервать молчание, не выказав любопытства, свойственного только женщинам, или нетерпения, присущего детям.

Белый охотник, очевидно, подражая обычаям краснокожих, выпустил из рук ружье и тоже сосредоточенно молчал.

Наконец Чингачгук медленно перевел взгляд на лицо своего сына и спросил:

– Не осмелились ли макуасы оставить следы своих мокасин в этих лесах?

– Я шел по отпечаткам их ног, – ответил молодой индеец, – узнал, что число их равняется количеству пальцев на моих обеих руках. Но ведь они трусы и прячутся в засадах.

---

⁶ Торжественный обряд, означающий окончание войны.

⁷ Сагамор (буквально: мудрый, могучий) – почетное звание старейшин племени.

– Мошенники залегли в чаще и ждут удобной минуты, чтобы добыть скальпы и ограбить кого-нибудь, – сказал Соколиный Глаз. – Этот француз Монкальм, конечно, послал своих шпионов в лагерь англичан – во что бы то ни стало узнать, по какой дороге движутся наши.

– Довольно! – сказал старший индеец, взглянув в сторону заходящего солнца. – Мы выгоним их из кустов, как оленей... Соколиный Глаз, перекусим сегодня, а завтра покажем макуасам, что мы настоящие мужчины.

– Я согласен. Но, для того чтобы разбить ирокезов, прежде всего нужно отыскать, где прячутся эти хитрые плуты, а чтобы поесть, нужно найти зверя... Да вот он, тут как тут! Посмотри-ка, вон самый крупный олень, какого я встречал в течение нынешнего лета! Видишь, он бродит внизу в кустах?.. Послушай, Ункас, – продолжал разведчик, понизив свой голос до шепота и смеясь беззвучным смехом человека, привыкшего к осторожности, – я готов поставить три совка пороха против одного фунта табака, что попаду ему между глаз, и ближе к правому, чем к левому.

– Не может быть! – ответил молодой индеец и с юношеской пылкостью вскочил с места. – Ведь над кустами видны лишь кончики его рогов.

– Он еще мальчик, – усмехнувшись, сказал Соколиный Глаз, обращаясь к старому индейцу. – Он думает, что, видя часть животного, охотник не в силах определить, где должно быть все его тело.

Он прицелился и уже собирался показать свое искусство, которым так гордился, как вдруг Чингачгук ударил рукой по его ружью и сказал:

– Ты, верно, хочешь сразиться с макуасами, Соколиный Глаз?

– Эти индейцы чутьем узнают, что кроется в чаще, – произнес охотник, опуская ружье и поворачиваясь к Чингачгуку, как бы признавая свою ошибку. – Ну что делать! Предоставляю тебе, Ункас, убить оленя стрелой, не то, пожалуй, мы действительно свалим животное для этих воров ирокезов.

Чингачгук одобрил предложение белого, выразительно кивнув головой. Ункас бросился на землю и стал осторожно подползать к оленю. Когда молодой могиканин очутился всего в нескольких ярдах от кустов, он бесшумно наложил стрелу на тетиву лука. Рога шевельнулись; казалось, их обладатель почуял в воздухе близость опасности. Еще секунда – и тетива зазвенела. Блеснула стрела. Раненое животное выскочило из ветвей прямо на своего скрытого врага, грозя нанести ему удар рогами. Ункас ловко увернулся от взбешенного оленя и, подскочив к нему сбоку, быстро пронзил его шею ножом. Олень ринулся к реке и упал, окрасив воду своей кровью.

– Дело сделано с ловкостью индейца, – одобрительно сказал Соколиный Глаз, беззвучно смеясь. – Приятно было смотреть! Но все же стрела хороша лишь на близком расстоянии, и в помощь ей нужен нож.

– У-у-ух! – произнес его собеседник и быстро повернулся, точно собака, почуявшая дичь.

– Клянусь богом, кажется, сюда идет целое стадо! – заметил Соколиный Глаз, и его глаза заблестели. – Если олени подойдут на расстояние ружейного выстрела, я все-таки пушу в них пулю-другую, хотя бы весь союз шести племен услышал грохот ружья! Что ты слышишь, Чингачгук? Для моего слуха лесные чащи молчат.

– Вблизи только один олень, да и тот убит, – сказал индеец и наклонился так низко, что его ухо почти коснулось земли. – Но я слышу звуки шагов.

– Может быть, волки гнали этого оленя и теперь бегут по его следам?

– Нет. Приближаются кони белых, – ответил Чингачгук, горделиво выпрямился и принял прежнюю позу. – Соколиный Глаз, это твои братья. Поговори с ними.

– Хорошо. Я обращусь к ним с такой английской речью, что самому английскому королю не было бы стыдно ответить мне, – сказал охотник на том языке, знанием которого он гордился. – Но я ничего не вижу и не слышу: ни шагов животных, ни топота человеческих ног.

Ага! Вот треск сухого хвороста! Теперь и я слышу, как зашелестели кусты. Да-да, шум шагов! Я его принял за отголосок рева водопадов. Но вот и люди. Боже, спаси их от ирокезов!

Глава IV

*Ты не уйдешь из леса раньше,
Чем за обиду я не отомщу.*
Шекспир. «Сон в летнюю ночь»

Едва охотник замолчал, как показался первый всадник небольшого отряда. Его-то шаги и уловил настороженный слух индейца.

Через полянку бежала одна из тех извилистых тропинок, которые протаптывают олени на своем пути к водопою; она упиралась в речку подле того места, где отдыхали белый охотник и его краснокожие товарищи. По тропинке медленно двигались путешественники, появление их в глубине этих непроходимых лесов казалось весьма странным. Соколиный Глаз сделал навстречу им несколько шагов.

– Кто идет? – спросил разведчик, как бы нечаянно подняв левой рукой ружье и приложив указательный палец правой к курку; в то же время он старался, чтобы в этом движении не было угрозы. – Кто идет сюда по опасной и дикой тропе зверей?

– Друзья закона и короля, – ответил всадник, ехавший впереди остальных. – С восхода солнца мы едем в тени этого леса и жестоко измучены усталостью, голодом и трудным странствием.

– Вы, наверное, заблудились, – прервал его Соколиный Глаз, – и настолько беспомощны, что не знаете, ехать ли вам направо или налево.

– Вот именно. Не знаете ли вы, как далеко отсюда до королевского форта Уильям-Генри?

– О! – воскликнул белый охотник и расхохотался, но быстро подавил неосторожный громкий смех, опасаясь привлечь внимание врагов. – Вы потеряли дорогу, как собака теряет след оленя, когда между ней и зверем расстилается озеро Хорикэн. Уильям-Генри!.. Боже мой! Если вы друзья короля и у вас есть дела с королевской армией, лучше поезжайте по течению реки к форту Эдвард и скажите о том, что вам нужно, Веббу, который спрятался в этой крепости, вместо того чтобы пробиться в теснины и прогнать дерзкого француза в его берлогу за Шамплейном.

Путник ничего не ответил на это странное предложение, потому что другой всадник выехал из рощи и, обогнав его, сказал, обращаясь к охотнику:

– Сколько отсюда до форта Эдвард? Из того места, куда вы теперь советуете нам отправиться, мы выехали сегодня утром, а направляемся в верховье озера.

– Значит, вы раньше потеряли зрение, а потом уже заблудились, потому что дорога через волок, шириной по крайней мере в две сажени, просторней, пожалуй, чем лондонское шоссе, и шире дороги перед самым королевским дворцом.

– Мы не будем оспаривать достоинства военной дороги, – с улыбкой возразил Хейворд, ибо, как, наверное, догадался читатель, это был он. – Полагаю, в настоящую минуту достаточно сказать вам, что мы доверились проводнику-индейцу, который обещал провести нас ближайшей, хотя и очень глухой тропинкой. Но оказалось, что он плохо знал ее, и теперь совсем непонятно, где мы очутились.

– Индеец, заблудившийся в лесу? – сказал охотник и с сомнением покачал головой. – Он заблудился в такое время, когда солнце жжет вершины деревьев, а ручьи полны до краев, когда мох каждой березы может сказать, в какой стороне неба загорится вечером северная звезда? Леса полны оленьих троп, которые сбегает или к рекам, или к соляным ямам, – словом, к местам, известным каждому. Кроме того, и гуси не все еще улетели к канадским водам. Странно, необыкновенно странно, что индеец сбился с пути между Хорикэном и излучиной реки! Не мохок ли он?

– По рождению нет, хотя это племя приняло его к себе. Мне кажется, его родина севернее и он принадлежит к индейцам, которых вы называете гуронами.

– У-у-ух! – в один голос вскрикнули краснокожие товарищи белого охотника.

До сих пор они сидели неподвижно и, по-видимому, бесстрастно относились ко всему происходящему, но в эту минуту могикане вскочили: удивление, видно, взяло верх над их выдержкой.

– Гурон? – повторил суровый разведчик и снова, не скрывая недоверия, покачал головой. – Это предательское, вороватое племя. Гурон остается гуроном, кто бы ни принял его к себе. Никакими средствами вы ничего не сделаете из него, он всегда останется трусом и бродягой. Раз вы отдали себя в руки одного из этих людей, можно только удивляться, что он еще не заставил вас наткнуться на целую шайку.

– Этого нечего бояться, так как форт Уильям-Генри всего в нескольких милях от нас. Кроме того, вы забыли, что наш проводник теперь мохок, что он служит нашей армии и стал нашим другом.

– А я говорю вам, что тот, кто родился гуроном, гуроном и умрет, – уверенно ответил Соколиный Глаз. – Мохок!.. Если хотите видеть честных людей, ищите их среди могикан или делаваров. Да. Они честно дерутся, хотя не все из их племени соглашаются идти в бой, так как многие позволили макусам превратить себя в слабых женщин. Но уж если они дерутся, то как настоящие воины.

– Довольно об этом! – нетерпеливо заметил Хейворд. – Я не буду здесь собирать сведения о хорошо знакомом мне человеке, который совершенно неизвестен вам. Вы еще не ответили на мой вопрос: на каком расстоянии мы находимся от главного отряда, расположенного в форте Эдвард?

– Это зависит от того, какой проводник поведет вас. А на таком коне, как ваш, можно покрыть это расстояние между восходом и заходом солнца.

– Я не хочу тратить слова попусту, – сказал Хейворд, подавляя свое недовольство и продолжая разговор в более миролюбивом духе. – Если вы скажете мне, сколько миль осталось до форта Эдвард, и согласитесь проводить нас туда, вы получите вознаграждение за труды.

– А кто поручится, что, сделав это, я не провожу врага и шпиона Монкальма в наши укрепления? Не всякий говорящий по-английски – честный и верный человек.

– Если вы действительно служите разведчиком, то, конечно, знаете шестидесятый королевский полк?

– Шестидесятый? Как не знать! Не многое расскажете вы мне об американских сторонниках короля, чего я сам не знал бы, хотя на мне и не красный мундир, а охотничья куртка.

– Тогда, значит, вам известно имя майора этого полка...

– Майора? – прервал его Соколиный Глаз и выпрямился с видом человека, гордящегося своей репутацией. – Уж если в колониях есть человек, знающий майора Эффингэма, то он перед вами.

– В шестидесятом полку не один майор. Эффингэм – старший из них, а я говорю о самом младшем, о том, который командует гарнизоном форта Уильям-Генри.

– Да-да, слышал, что это место занял какой-то молодой и богатый джентльмен из южных провинций. Но он слишком молод для такого поста, не следовало поручать начальство над сидящими людьми юному офицеру. Впрочем, говорят, он отлично знает свое дело и очень храбр.

– Кто бы он ни был, что бы ни говорили о нем, он теперь разговаривает с вами, и, конечно, вы не должны опасаться его.

Разведчик с удивлением посмотрел на Хейворда, потом, сняв шляпу, ответил тоном менее самоуверенным, но все же выражавшим сомнение:

– Я слышал, что один отряд должен был сегодня утром выступить из форта Эдвард к озеру.

– Вам сказали правду. Но я выбрал кратчайшую дорогу и доверился опытности того индейца, о котором уже упоминал.

– А он обманул вас и потом бросил?

– Он не сделал ни того ни другого – во всяком случае, второго, так как он находится здесь.

– Хотелось бы мне взглянуть на этого человека! Если он настоящий ирокез, я узнаю его по хитрому взгляду и по раскраске, – сказал разведчик.

Пройдя мимо лошади Хейворда и клячи псалмопевца, около которой уже примостился сосать молоко жеребенок, он двинулся вдоль кустов и вскоре подошел к девушкам, с нетерпением и некоторой тревогой ожидавшим конца переговоров.

Позади Кору и Алисы стоял индеец-сороход; прислонившись к дереву, он бесстрастно встретил впившийся в него взгляд разведчика. Лицо индейца выражало такую мрачную свирепость, что невольно внушало чувство страха.

Удовлетворенный своим осмотром, Соколиный Глаз отошел от краснокожего, остановился на мгновение, любясь красотой девушек, и радушно ответил на улыбку и ласковый кивок Алисы, затем подошел к лошади псалмопевца, кормившей своего жеребенка, с минуту смотрел на ее всадника, напрасно стараясь угадать, кто он, и наконец, покачав головой, снова вернулся к Дункану.

– Минг всегда останется мингом, и ни мохоки и никакое другое племя не изменят его, – сказал он, возвращаясь на прежнее место. – Если б вы были одни и согласились отдать в жертву волкам вашего благородного коня, я в один час довел бы вас до форта Эдвард, потому что эта крепость находится всего на расстоянии часа пути отсюда. Но с вами женщины, для которых такой переход невозможен.

– Почему? Правда, они устали, но могут проехать еще несколько миль.

– Немыслимо, – повторил разведчик. – После того как стемнеет, я и мили не прошел бы с этим сороходом, хотя бы за то мне обещали лучшее ружье во всех колониях. Здесь, в чаще, скрываются ирокезы, и ваш мохок слишком хорошо знает, где прячутся они, чтобы я согласился пуститься с ним в путь.

– Неужели? – спросил Хейворд, наклоняясь вперед и понижая голос почти до шепота. – Сознаюсь, у меня тоже возникли некоторые сомнения. Правда, я старался скрыть их и притворялся спокойным, но я делал это только для успокоения моих спутниц. Потому-то я не позволил индейцу идти вперед, а заставил его следовать за нами.

– С первого же взгляда видно, что это обманщик, – сказал охотник, притронувшись пальцем к носу в знак предостережения. – Вон этот вороватый минг прислонился к стволу молодого клена, там, за кустами, правая нога мошенника находится на одной линии со стволом... – Соколиный Глаз многозначительно дотронулся до своего ружья. – Я могу попасть в него между щиколоткой и коленом, и после этого он по крайней мере на месяц лишится возможности двигаться. Подойти ближе нельзя: хитрая тварь заподозрит меня и кинется в кусты, как испуганный олень.

– Нет-нет, это не годится. Может быть, он ни в чем не виноват, и мне не хочется, чтобы вы ранили его. Хотя если бы я вполне удостоверился, что он предатель...

– Ну, в этом нечего сомневаться: ирокез всегда готов изменить и обмануть. – Говоря это, Соколиный Глаз вскинул ружье и навел дуло на Магуа.

– Погодите, – остановил его Дункан, – не стреляйте. Придумайте какой-нибудь другой способ от него избавиться, хотя я имею основание предполагать, что негодяй обманул меня.

Соколиный Глаз отказался от намерения прострелить ногу индейцу-сороходу; он на минуту задумался, потом сделал рукой знак своим друзьям могиканам, которые тотчас же подошли к нему. Все трое вполголоса заговорили на делаварском наречии. С серьезным выра-

жением они сосредоточенно и тихо совещались о чем-то. Судя по движениям рук белого охотника, который часто указывал в сторону поднимавшегося над кустами молодого деревца, он, очевидно, говорил о предателе.

Его товарищи скоро сообразили, чего он ждет от них, и, отложив ружья, исчезли в чаще. Один пошел направо, другой – налево. Они скользили в кустах совершенно бесшумно.

– Теперь вернитесь к вашим спутникам, – обращаясь к майору, сказал Соколиный Глаз, – и заговорите с индейцем. Могикане схватят его, не попортив даже раскраски.

– Нет, – гордо ответил Дункан, – я сам хочу его схватить.

– Ну скажите, что сделаете вы, сидя на лошади, когда вашим противником окажется индеец, скользящий среди кустов?

– Я сойду с коня.

– А вы думаете, что, увидав, как вы освобождаете из стремени одну ногу, он будет терпеливо стоять и дожидаться, пока вы прыгнете на землю? Всякий, кто вступает в эти леса и собирается иметь дело с туземцами, должен перенять обычаи индейцев, если желает удачи... Итак, вперед! Заговорите с этим злодеем и сделайте вид, будто вы считаете его верным другом.

Хейворд согласился подчиниться, чувствуя сильное отвращение к делу, которое ему предстояло выполнить. Однако с каждой минутой в нем усиливалось сознание опасности, нависшей над его спутниками из-за их доверчивости. Солнце село, и сгустившиеся тени придавали лесу мрачный вид. Очертания деревьев расплывались, и тьма ясно напоминала Дункану, что приближаются часы, в которые дикари совершают свои самые кровавые деяния – деяния мести или вражды. Эти опасения заставили Хейворда расстаться с Соколиным Глазом. Разведчик немедленно завязал очень оживленный и громкий разговор с певцом, который так бесцеремонно присоединился утром к маленькому обществу. Проезжая мимо девушек, Дункан бросил им несколько ободряющих слов и с удовольствием заметил, что они бодры, несмотря на усталость, и что остановка не встревожила их. Сказав Коре и Алисе, что ему нужно переговорить с индейцем о дальнейшей дороге, Хейворд прищепил коня и снова натянул поводья, когда благородное животное очутилось в нескольких ярдах от Магуа, все еще стоявшего подле дерева.

– Вот, Магуа, ты сам видишь, – начал Хейворд, стараясь говорить спокойным и дружеским тоном, – наступает ночь, а до форта Уильям-Генри не ближе, чем было, когда на восходе солнца мы выходили из лагеря генерала Вебба. Ты сбился с дороги, да и я оплошал. К счастью, мы столкнулись с охотником – слышишь, он разговаривает с певцом? – с охотником, который хорошо знает все оленьи тропы, все дорожки глухого леса и обещает проводить нас в такое место, где мы в безопасности отдохнем до следующего утра.

Блестящие глаза индейца впились в лицо Хейворда, и он спросил на ломаном английском языке:

– Он один?

– Один? – с легким колебанием повторил Дункан, с трудом заставляя себя сказать неправду. – О, не совсем один, Магуа: ведь с ним мы, его спутники!

– В таком случае Хитрая Лисица уходит, – произнес индеец и хладнокровно поднял с земли свою сумку. – С бледнолицыми останутся только люди их племени.

– Хитрая Лисица уходит? Но кого ты называешь Хитрой Лисицей, Магуа?

– Это имя дали Магуа его канадские отцы, – ответил скороход, и по его лицу было заметно, что он гордится данным ему прозвищем. – Для Хитрой Лисицы, когда Мунро ждет его, ночь равняется дню.

– А что скажет Лисица начальнику форта Уильям-Генри, когда старик спросит его о своих дочерях? Осмелится ли он объяснить начальнику, что его дочери остались без проводника, хотя Магуа обещал охранять их?

– Правда, у седовласого начальника громкий голос и длинные руки, но в глубине лесов Лисица не услышит его крика и не почувствует его ударов.

– А что скажут люди твоего племени? Они сошьют для Лисицы женское платье и велят ему сидеть в вигваме с женщинами, так как ему нельзя больше доверять дела мужественных воинов.

– Хитрая Лисица знает путь к Великим Озерам, сумеет он отыскать и прах своих отцов, – прозвучал непреклонный ответ индейца.

– Довольно, Магуа, довольно! – сказал Хейворд. – Разве мы с тобой не друзья? Зачем нам говорить друг другу жестокие и горькие слова? Мунро посулил наградить тебя, когда ты выполнишь свое обещание. Я тоже в долгу перед тобой. Итак, ляг, дай отдых усталому телу, открой свою сумку и поешь. Мы ненадолго останемся здесь. Не будем же тратить коротких минут привала и спорить, точно вздорные женщины. Когда всадники отдохнут, мы снова двинемся в путь.

– Бледнолицые превращают себя в покорных собак белых женщин, – пробормотал индеец на своем наречии. – Когда женщинам хочется есть, белые воины бросают свои томагавки, чтобы исполнить желание ленивиц.

– Что говоришь ты, Лисица?

– Хитрая Лисица говорит: «Хорошо».

Проницательный взгляд индейца был прикован к лицу майора, но когда Хейворд взглянул на Магуа, скороход быстро отвел глаза в сторону, уселся на землю, осторожно и медленно оглянулся и наконец вынул из сумки остатки съестных припасов.

– Отлично! – сказал Дункан. – Пища придаст Хитрой Лисице сил, обострит его зрение, и он утром найдет тропинку. – Дункан на мгновение замолчал, услышав треск переломившейся сухой ветки и шелест листьев в соседних кустах, но, быстро овладев собой, продолжал: – Нам нужно двинуться до восхода солнца, не то мы, пожалуй, встретим Монкальма и он отрежет нам путь в крепость.

Поднятая рука Магуа застыла, и, хотя его глаза не отрывались от земли, он повернул голову; его ноздри расширились, и даже уши его, казалось, вытянулись, придавая ему вид статуи, изображавшей напряженное внимание.

Хейворд следил за каждым его движением и с притворной небрежностью вынул одну ногу из стремени, а руку положил на чехол из медвежьей шкуры, скрывавшей пистолеты.

Глаза Магуа ни на мгновение не останавливались на одном каком-либо отдельном предмете, хотя лицо было неподвижно.

Майор не знал, на что решиться. Между тем Лисица поднялся на ноги, но так медленно и осторожно, что при этом не было слышно ни малейшего шороха. Хейворд почувствовал, что ему следует начать действовать; он перекинул ногу через седло и соскочил с лошади, твердо решив схватить предателя, во всем остальном полагаясь на свою силу и смелость.

Однако, не желая без нужды пугать своих спутниц, майор все же постарался сохранить внешнее спокойствие и дружески заговорил с Магуа.

– Хитрая Лисица не ест, – сказал он, называя индейца тем именем, которое, по-видимому, казалось ему особенно лестным. – Его хлебные зерна недостаточно прожарены и жесткие? Дай-ка я посмотрю – может быть, в моих запасах найдется что-нибудь по его вкусу.

Магуа подал майору свою сумку, по-видимому, желая воспользоваться предложением офицера. Их руки встретились; при этом индеец не выказал ни малейшего смущения, и его напряженное внимание не ослабело ни на миг. Но когда он почувствовал, что пальцы Хейворда тихо скользнули по его обнаженному локтю, он отбросил руку майора, пронзительно вскрикнул, увернулся и исчез в чаще. В следующую секунду из-за кустов появилась фигура Чингач-гука, раскраска которого придавала индейцу вид скелета. Могиканин кинулся за скороходом.

Послышались крики Ункаса. Лес озарился вспышкой, вслед за ней прогремел выстрел ружья охотника.

Глава V

*В такую ночь
Ступала робко Фисба по росе
И, устращась не льва, а львиной тени,
Бежала в ужасе...*

Шекспир. «Венецианский купец»

Внезапное бегство проводника-индейца, дикие крики его преследователей, шум и смятение – все это вместе ошеломило Хейворда; на мгновение он остолбенел, потом, вспомнив о необходимости захватить беглеца, кинулся в кусты, окаймлявшие маленькую поляну, и побежал в лес на помощь преследователям. Однако через сотню ярдов он столкнулся с охотником и его двумя друзьями, которые возвращались, не поймав беглеца.

– Почему вы так скоро отчаялись? – спросил их Дункан. – Конечно, этот мошенник спрятался где-нибудь в чаще, и его можно поймать. Пока он на свободе, мы в опасности.

– Разве облако может догнать ветер? – ответил Соколиный Глаз. – Я слышал, как этот бес шуршал в сухих листьях, пробираясь ползком, точно черная змея. Я видел его вон за той сосной и пустил в него пулю... Куда там! А между тем я хорошо целился и могу сказать, что в этих делах я мастер. Взгляните на то дерево. Его листья красны. Но всякий знает, что в июне оно цветет желтым цветом!

– Это кровь Лисицы, он ранен. И может быть, еще упадет.

– Нет-нет! – решительно возразил охотник. – Я только задел его, и он убежал. Ружейная пуля, которая лишь слегка царапнет, – это те же шпоры: она заставляет ускорить бег, оживляя тело, вместо того чтобы отнять жизнь.

– Нас четверо здоровых, сильных людей, а наш противник один и ранен.

– Вам, верно, надоела жизнь? – спросил разведчик. – Эта Лисица подведет нас под удары томагавков своих соплеменников раньше, чем погоня успеет разогреть вашу кровь. Неблагодарно поступил я, когда выстрелил так близко от засады гуронов. Но как тут было удержаться?.. Ну, друзья, снимаемся с лагеря и постараемся сделать это так, чтобы хитрый минг пошел по ложному следу; не то завтра в этот час наши скальпы уже будут сохнуть перед лагерьем Монкальма.

Страшное предупреждение, которое Соколиный Глаз произнес с хладнокровием человека, не боящегося смотреть опасности прямо в глаза, напомнило Дункану о принятой им на себя обязанности. Он огляделся кругом, стараясь пронизать взглядом тьму, сгущавшуюся под сводами леса. Ему уже чудилось, что его беспомощные спутники скоро очутятся в руках диких врагов, которые, точно хищные звери, ждут только тьмы, чтобы с уверенностью и без помехи напасть на них.

Его возбужденное воображение, обманутое неверным светом, превращало в человеческую фигуру каждый колеблющийся куст, каждую корягу. Ему казалось, будто страшные, свирепые лица выглядывают из-за ветвей и следят не отрываясь за каждым их шагом. Хейворд посмотрел на небо: легкие облачка-барашки, которые ветер разбросал по небу, утрачивали понемногу свой розовый цвет; а реку, плавно несущую свои воды совсем рядом, можно было проследить уже только по темной границе ее лесистых берегов.

– Что делать? – спросил Дункан, чувствуя страшную беспомощность в этот тяжелый момент. – Не бросайте меня, друзья, оставайтесь, чтобы защитить девушек, которых я сопровождаю! И не стесняйтесь: требуйте от меня любого вознаграждения.

Но ни Соколиный Глаз, ни индейцы не обратили внимания на этот горячий призыв. Они разговаривали между собой на своем наречии.

Правда, их беседа велась тихо, почти шепотом, но Хейворд без труда отличал взволнованный голос младшего воина от спокойной речи его старших собеседников. Они, очевидно, обсуждали какую-то меру, касающуюся безопасности путешественников. Дункана, конечно, интересовал предмет их разговора, и в то же время его беспокоило промедление; он подошел ближе к своим спутникам, чтобы еще раз предложить этим людям награду, когда белый охотник махнул рукой, словно уступая в споре, и сказал по-английски как бы себе самому:

– Ункас прав: недостойно поступили бы мы, оставив беспомощных девушек на произвол судьбы, хотя наше вмешательство может навсегда лишить нас надежного тайного убежища. Если вы хотите спасти эти нежные цветы от ядовитых зубов самых опасных змей, джентльмен, не теряйте времени и перестаньте колебаться.

– Можно ли сомневаться в том, что я хочу их спасти! Разве не я обещал вам награду?..

– Обратите свои молитвы к всевышнему, чтобы он даровал нам мудрость перехитрить этих дьяволов, которые наводнили лес, и не предлагайте мне денег, – спокойно прервал его Соколиный Глаз. – Может быть, вы не доживете до того, чтобы исполнить свое обещание, а я – чтобы воспользоваться им. Могикане и я – мы сделаем все, что только может придумать человек, чтобы спасти от зла эти благоухающие цветы, не созданные для таких диких мест. Но прежде вы должны дать мне два обещания – от своего имени и от лица ваших друзей. В противном случае мы не поможем вам и только повредим себе.

– Скажите, каких обещаний вы требуете?

– Первое: что бы ни случилось – молчите, подобно этим спящим деревьям. Второе: сохраните в тайне от всех, где помещается убежище, в которое мы вас отведем.

– Я исполню ваши условия.

– Тогда – за мной! Мы даром тратим время, такое же драгоценное для нас, как для раненого оленя капли крови его сердца.

В темноте наступившего вечера Хейворд различил нетерпеливый жест охотника и быстро двинулся вслед за ним к тому месту, где их ожидали остальные спутники.

Хейворд быстро подошел к девушкам, вкратце объяснил Коре и Алисе условия их нового проводника и прибавил, что они должны отбросить всякие опасения. Хотя сообщение Хейворда наполнило страхом сердца сестер, его серьезный и решительный тон, а может быть, также мысль о грозной опасности придали девушкам силы приготовиться к какому-то неожиданному и необыкновенному испытанию; молчаливо и без всяких промедлений они с помощью Дункана соскочили с седел и торопливо спустились к реке.

Соколиный Глаз молча, жестами, пригласил туда всех остальных.

– А что делать с этими бессловесными созданиями? – пробормотал он. – Если мы зарежем лошадей и трупы бросим в реку, мы потеряем время. Оставив же лошадей здесь, ясно покажем мингам, что владельцы коней недалеко.

– В таком случае отпустите их в лес, – рискнул предложить Хейворд.

– Нет, лучше обмануть врага. Пусть они вообразят, будто им нужно гнаться за нами бегом. Да-да, это обманет их, конечно... Чингачгук, что это шелестит в кустах?

– Жеребенок.

– Вот его придется убить, – сказал охотник и протянул руку к холке молоденького создания, которое быстро отскочило в сторону. – Ункас, твои стрелы!

– Стойте! – воскликнул хозяин обреченного на смерть жеребенка, не обращая внимания на то, что остальные говорили шепотом. – Пощадите жеребенка моей Мириам! Это красивый отпрыск верной лошади, и он никому не делает зла.

– Когда люди борются за свою жизнь, даже собственные их собратья значат для них не больше, чем лесные звери. Если вы скажете еще хоть одно слово, я отдам вас в руки макуасов... Будь метким, Ункас! Для второй стрелы у нас нет времени.

Глухой, угрожающий голос еще не замолк, когда раненый жеребенок вскинулся на дыбы, потом упал на колени, а Чингачгук быстрее мысли полоснул его ножом по горлу и столкнул свою жертву в реку; жеребенок поплыл вниз по течению.

Этот поступок, по всей видимости, жестокий, но, в сущности, вызванный крайней необходимостью, наполнил души путешественников унынием.

Все происходящее казалось путникам странным предвестием опасности, и чувство это усилилось при виде спокойной, но непоколебимой решимости, сквозившей в каждом движении охотника и могикан. Кора и Алиса, дрожа, прижались друг к другу, а рука Хейворда сама собой легла на один из пистолетов, вынутых из кобуры; он занял место между девушками и темной стеной леса.

Индейцы, не теряя времени, взяв под уздцы испуганных, упирающихся лошадей, ввели их в реку.

Невдалеке от берега могикане повернули коней и скоро скрылись под нависшими берегами, пустив нарраганзетов против течения. Между тем разведчик вывел сделанную из березовой коры пирогу из тайника, где она была скрыта под ветвями низких кустов, касавшихся воды, и молча, жестом, предложил девушкам сесть в эту лодку.

Они повиновались без колебаний, пугливо оглядываясь на сгущающийся мрак, который теперь, точно темная ограда, лег вдоль берегов потока.

Едва Кора и Алиса очутились в пироге, разведчик предложил Хейворду войти в воду и поддержать один край утлого челна, а сам взялся за челн с другой стороны. Таким образом они некоторое время тащили пирогу по воде против течения. Вслед за ними шел опечаленный и унылый хозяин убитого жеребенка. Тишина вечера нарушалась только журчанием воды, весело разбивавшейся о пирогу и о ноги осторожно шагавших людей. Хейворд предоставил разведчику свободу действий, и тот, по мере надобности, то приближал лодку к берегу, то отдалял, избегая торчащих из воды камней или водоворотов; каждое его движение доказывало, как хорошо знал он путь. Время от времени Соколиный Глаз останавливался; тогда среди полного безмолвия доносился глухой, постепенно усиливающийся гул водопада. Напрягая слух, разведчик старался уловить звуки в дремлющем лесу. Удостоверившись в полной тишине и не уловив никаких признаков приближения врага, он снова, по-прежнему осторожно, двигался вперед.

Наконец взгляд Хейворда упал на что-то черневшее в особенно густой тени, которую высокий берег отбрасывал на воду. Майор указал Соколиному Глазу на темное пятно.

– Да, – спокойно произнес разведчик, – индейцы скрыли тут лошадей. На воде следов не остается, и даже глаза совы оказались бы слепы в этой темноте.

Скоро небольшой отряд снова был в сборе. Охотник устроил совет, на котором путешественники, чьи судьбы зависели теперь от преданности и изобретательности этих незнакомых лесных жителей, подробно обсудили свое положение.

Реку теснила стена высоких зубчатых скал; один из утесов свешивался над тем местом, где стояла пирога. На скалах возвышались высокие деревья, которые, казалось, готовы были упасть в пропасть. Все было черно под этими скалами и деревьями, чьи очертания смутно вырисовывались на фоне темно-синего, усыпанного звездами неба. Река делала здесь излучину, а впереди, и, по-видимому, невдалеке, вода словно громоздилась к небу и ниспадала в глубокие пещеры, из которых неслись грозный гул, наполнявший вечерний воздух. Казалось, что место это создано для уединения, и сестер охватило успокаивающее чувство безопасности, когда они созерцали эту романтическую, несколько мрачную красоту. Движение среди проводников оторвало девушек от размышлений о диком очаровании, которое ночь придавала этим местам, и вернуло их к горестному сознанию опасной действительности.

Лошади были привязаны к редким кустам, которые росли в трещинах камней; они стояли в воде, и им предстояло провести целую ночь в этом месте.

Соколиный Глаз предложил Дункану и его спутникам сесть в носовую часть пироги, сам же поместился на корме и стоял так прямо, будто под его ногами была палуба большого корабля, сделанного не из древесной коры, а из гораздо более прочного материала. Индейцы осторожно отошли в сторону. Соколиный Глаз с силой уперся шестом в прибрежную скалу и оттолкнул пирогу от берега на середину бешеного потока. Несколько долгих минут шла ожесточенная борьба между утлым челном и бурлящим потоком. Путешественники с лихорадочным напряжением смотрели на воду, не решаясь шевельнуть рукой или вздохнуть поглубже, чтобы не опрокинуть хрупкую пирогу.

Раз двадцать им казалось, что водоворот увлечет их к гибели, но умелая рука кормчего легко направляла и поворачивала пирогу. Долгая, упорная и, как иногда начинало казаться девушкам, безнадежная борьба завершилась успешно. Как раз в то мгновение, когда Алиса в ужасе закрыла глаза, думая, что водоворот унесет их к подножию водопада, пирога подплыла к плоской скале, еле выдававшейся из воды.

– Где мы? И что делать дальше? – спросил Хейворд, поняв, что Соколиный Глаз достиг своей цели.

– Это Гленн, – громко ответил разведчик, зная, что при грохоте воды ему незачем понижать голос. – Прежде всего нам нужно умело причалить, чтобы не опрокинуть пирогу, не то вас понесет вниз по течению туда же, откуда мы только что приплыли, только гораздо быстрее. Трудно идти против течения, когда река бурлит; да и маленькой пироге из березовой коры, смазанной смолой, нелегко нести пятерых человек. Высаживайтесь на эту скалу, а я привезу могикан и съестные припасы. Лучше спать без скальпа, нежели страдать от голода при изобилии.

Путешественники с радостью согласились с указаниями Соколиного Глаза.

Едва последний из них ступил на скалу, высокая фигура охотника скользнула над водой и тотчас исчезла в непроницаемой тьме, которая окутывала реку. Несколько минут путешественники, оставшиеся без своего руководителя, беспомощно колебались, не зная, на что решиться, боясь сделать хотя бы шаг по неровным камням, опасаясь при первом неверном движении упасть в глубину одной из пещер, в которые вода с ревом низвергалась со всех сторон. Однако им пришлось ждать недолго: пирога снова подошла к низкой скале, и, как показалось ожидающим, раньше, нежели Соколиный Глаз мог добраться до могикан.

– Теперь у нас тут и крепость, и гарнизон, и провиант, – весело крикнул Хейворд, – и нам не страшны ни сам Монкальм, ни его союзники! Скажите же мне, бдительный страж, что вы думаете о тех, кого называете ирокезами?

– Ничего хорошего я не скажу об ирокезах! Если Вебб желает видеть честного и верного индейца, он должен позвать к себе делаваров, а французам отдать жадных, лживых мохоков и онайдов вместе с шестью племенами их союза.

– Но в таком случае нам пришлось бы заменить воинственных людей бездействующими друзьями. Я слышал, что делавары бросили томагавки и страшатся войны, как робкие женщины.

– Да, стыдно голландцам⁸ и ирокезам, которые своими дьявольскими хитростями заставили их заключить такой союз. Но я знаю делаваров двадцать лет и назову лгуном всякого, кто скажет, что в жилах делаvara течет кровь труса. Вы оттеснили эти племена от морских берегов, а теперь готовы верить их врагам, которые клеветают на них, чтобы мы могли спокойно спать.

– Во всяком случае, я отлично вижу, что ваши товарищи – храбрые и осторожные воины. Скажите, не успел ли кто-нибудь из них заметить врагов или узнать что-нибудь о них?

– Индейца прежде почуешь, а потом увидишь, – ответил Соколиный Глаз, поднимаясь на скалу и сбрасывая на землю убитого оленя. – Выслеживая мингов, я доверяю не глазам.

---

⁸ Нью-Йорк был основан голландцами.

– А слух не говорит вам, что они напали на путь к нашему убежищу?

– Мне было бы очень грустно думать, что это случилось, хотя место нашей стоянки может послужить отличной крепостью для мужественных и смелых людей. Впрочем, не отрицаю, что, когда я проходил мимо лошадей, они дрожали и жались, точно чуя приближение волков; а ведь волки часто рыщут близ засады индейцев, надеясь поживиться остатками мяса убитых оленей.

– Но вы забыли оленя, лежащего у ваших ног! И разве звери не могли почуять убитого жеребенка?.. О, что это за шум?

– Бедная Мириам! – бормотал псалмопевец Давид Гамут. – Бедный жеребенок был обречен стать добычей диких зверей!

Вдруг голос его присоединился к неумолкаемому грохоту воды, и он запел псалом:

Первенцев Египта убил он,
Первенцев людей и зверей.
О фараон! Поразил он
Тебя десницей своей!

– Смерть жеребенка тяжело гнетет сердце его хозяина. Впрочем, если человек заботится о своих бессловесных друзьях, это говорит в его пользу. Может быть, вы правы, – продолжал Соколиный Глаз, отвечая на последнее предположение Дункана. – Тем скорее нам нужно срезать мясо оленя с костей и бросить остатки в реку. Не то, пожалуй, здесь скоро раздастся вой дикой стаи, и волки, стоя на окрестных утесах, будут с завистью и жадностью следить за каждым проглоченным нами куском. Ирокезы хитры и отлично разберут по волчьему вою, в чем дело.

Говоря это, Соколиный Глаз, заботливо собрал необходимые вещи и прошел мимо группы остальных путников. Могикане двинулись за ним; можно было подумать, что индейцы угадали намерения своего белого товарища. Скоро все трое исчезли один за другим; казалось, они вошли в темную отвесную стену, которая поднималась в нескольких ярдах от берега.

Глава VI

*Напев прекрасный, что звучал в Сионе,
Он растоптал своей заботой здравой
И тотчас же торжественно сказал:
«Восхвалим господу со славой!»*

Бернс

Хейворд и его спутницы с некоторой тревогой смотрели на непонятное исчезновение своих проводников.

Хотя поведение белого человека до сих пор не вызывало никаких опасений, но его грубая одежда, резкая речь, глубокая ненависть к врагам и его молчаливые товарищи – все вместе рождало недоверие у людей, встревоженных недавним предательством индейца.

Только Гамут не обращал внимания на происходившее вокруг него. Он сидел на выступе скалы, и его присутствие не было бы заметно, если бы волнение души псалмопевца не выразилось частыми глубокими и тяжелыми вздохами.

Вот послышались приглушенные голоса, словно люди перекликались где-то далеко-далеко в недрах земли. И вдруг яркий свет ударил в глаза путешественникам, расположившимся на камнях. Перед ними открылась тайна убежища, в котором скрывались разведчик и могикане.

В дальнем конце узкой глубокой пещеры стоял разведчик, держа в руке связку пылающих сухих сосновых ветвей. Отсвет огня, падавший на его суровое, обветренное лицо и на его лесной наряд, придавал оттенок романтической дикости этому человеку, хотя при обыкновенном свете дня он поразил бы глаз только своеобразной одеждой, железной неподвижностью стана да настороженностью и простосердечием, которые отражались на его лице. Недалеко от разведчика, ближе к выходу из пещеры, стоял Ункас. Путешественникам видны были гибкие и непринужденные движения молодого индейца. Хотя его фигура была закрыта зеленой, обшитой бахромой охотничьей рубашкой, голова оставалась непокрытой, так что ничто не мешало наблюдателям с тревогой следить за блеском его глаз, пугающих и вместе с тем спокойных, смелыми очертаниями гордого лица, не обезображенного красками, благородной высотой его лба и изящной формой обритой головы, на макушке которой красовалась длинная прядь волос. Впервые Дункан и его спутники получили возможность разглядеть своих проводников-индейцев, и путешественники вздохнули с облегчением, когда увидели гордое, решительное, хотя и дикое выражение лица молодого воина; чувствовалось, что он не способен на гнусное предательство. Алиса с интересом разглядывала его открытое лицо и гордую осанку, как она рассматривала бы драгоценную статую, изваянную резцом древних греков и чудом ожившую; а Хейворд, хотя и привык наблюдать совершенство форм туземцев, открыто выражал свое восхищение при виде такого безупречного образца благороднейших пропорций человека.

– Я могла бы спокойно заснуть, – шепотом произнесла Алиса, – зная, что такой бесстрашный и, по-видимому, великодушный часовой охраняет меня. Я уверена, Дункан, что жестокие убийства и мучительные пытки, о которых мы так часто слышим и читаем, не могут совершаться в присутствии людей вроде Ункаса.

– Я согласен с вами, Алиса, – ответил Хейворд. – Мне тоже кажется, что такой лоб и такие глаза способны внушать страх, но не обманывать... Однако не будем заблуждаться, мы должны ждать от него только проявления тех достоинств, которые считаются добродетелями среди краснокожих. Впрочем, встречаются замечательные люди и среди белых и среди индей-

цев. Будем же надеяться, что этот молодой могиканин не разочарует нас и докажет, что его наружность не обманчива, что он действительно храбрый и преданный друг.

– Теперь майор Хейворд говорит, как подобает майору Хейворду, – заметила Кора. – Кто, глядя на это создание природы, может вспомнить о цвете его кожи!

Наступило короткое, как бы неловкое молчание, которое прервал разведчик, предложив путникам войти в пещеру.

– Огонь разгорается слишком ярко, – сказал он, – того и гляди, укажет мингам наш приют. Ункас, опусти-ка одеяло – это скроет огонь... Угощайтесь! Конечно, перед вами не такой ужин, какого имеет право ожидать майор королевской армии, но я видывал, как многие военные с удовольствием глотали сырое мясо, даже без всякой приправы. А у нас есть соль, и мы можем быстро зажарить мясо. Вот свежие ветки сассафраса!⁹ Пусть дамы присядут на них, хоть это и не стулья из красного дерева. Ну, друг, – обратился он к псалмопевцу, – не печальтесь о жеребенке: это было невинное создание, еще не успевшее узнать печалей. Смерть спасла его от многих неприятностей, от ссадин на спине, от натруженных ног...

Между тем Ункас исполнил приказание разведчика.

Голос Соколиного Глаза замолк, и грохот водопада зазвучал, точно раскат отдаленного грома.

– Не опасно ли оставаться в этой пещере? – спросил Хейворд. – Не грозит ли нам здесь внезапное нападение? Ведь, стоя подле выхода, один вооруженный человек может держать нас в своих руках.

В темноте из-за спины разведчика вынырнула какая-то фигура, похожая на воплощение смерти, и, взяв горящую головню, осветила ею отдаленный конец узкого грота. Алиса вскрикнула, и даже смелая Кора вскочила при появлении страшного существа. Но Хейворд успокоил девушек, сказав им, что это всего лишь их проводник, Чингачгук. Приподняв второе одеяло, индеец показал, что в пещере есть еще один выход. Потом, держа в руках пылающую головню, он проскользнул через узкий проход в утесе в другой грот, совершенно сходный с первым.

– Таких опытных лисиц, как мы с Чингачгуком, не часто ловят в норе с одним выходом! – со смехом заметил Соколиный Глаз. – Это отличное место! Скалы – черный известняк, а это очень мягкая порода. Прежде водопад находился на несколько ярдов ниже, чем теперь, и, думаю, в свое время представлял собой такую же спокойную и прекрасную гладь, какие вы встречаете в лучших местах Гудзона. Но годы уносят красоту – это еще суждено вам узнать, молодые девушки. Местность эта сильно изменилась со временем. В скалах и утесах появилось множество трещин. В одних местах камни мягче, чем в других, и вода проточила в них большие выбоины; одни скалы свалила, другие изломала, и теперь эти водопады не имеют ни красоты, ни силы.

– Где же мы находимся? – спросил Хейворд.

– Близ того места, где когда-то низвергался водопад. С обеих сторон от нас порода оказалась мягкой, поэтому мятежная вода вырыла вот эти две маленькие пещеры, устроив для нас отличный приют, и отхлынула вправо и влево, обнажив середину своего русла, которое стало сухим островком.

– Значит, мы на острове?

– Да, по обеим сторонам от нас водопады, а река и выше и ниже нас. При дневном свете вам стоило бы подняться на скалу и посмотреть на причуды воды. Она падает безумными прыжками. Иногда скачет, иногда течет гладко; тут она кувыркается, там тихо струится; в одном месте бела как снег, в другом кажется травянисто-зеленой; то журчит и поет, как кроткий ручей, то вдруг начинает крутиться водоворотом и размывает каменные скалы, как мягкую глину. Да, леди, тонкая ткань, паутинкой обвивающая вашу шею, покажется грубым неводом в

---

⁹ Сассафрас – дерево из семейства лавровых.

сравнении с узорами речных струй. После того как река набушует вволю, она спокойно течет дальше, чтобы слить свои воды с морской волной.

Такое описание гленнских водопадов внушило путешественникам уверенность в недоступности их убежища, но сейчас им было не до красот природы, и они решили заняться необходимым, хотя и более низменным делом – ужином.

Ункас оказывал Коре и Алисе все услуги, на какие только был способен.

Сочетание гордости и радушия на его лице забавляло Хейворда, который знал, что такая услужливость – не в обычаях индейцев. Однако правила гостеприимства считались священными, а потому незначительное отступление от строгих законов воинского достоинства не вызвало, по-видимому, порицания со стороны Чингачгука.

При этом внимательный наблюдатель мог бы заметить, что Ункас не совсем одинаково относится к девушкам. Например, подавая Алисе флягу с водой или кусок оленины на деревянном блюде, он только соблюдал вежливость; оказывая же подобные услуги ее темноволосой сестре, молодой могиканин устремлял долгий взгляд на ее красивое, выразительное лицо. Раза два ему пришлось заговаривать с сестрами, чтобы привлечь их внимание. И каждый раз в таких случаях он изъяснялся по-английски – правда, на ломаном языке, но все же понятно. Его глубокий гортанный голос придавал особую музыкальность английским словам. Кора и Алиса обменялись с ним несколькими фразами, и благодаря этому между ними установилось нечто похожее на дружеские отношения.

Ничто не нарушало важного спокойствия Чингачгука; он сидел в свете костра, и путешественники, беспокойно поглядывая на старого индейца, увидели наконец истинное выражение его лица, которое проступало сквозь наводящую ужас военную раскраску. Сестры находили между отцом и сыном большое сходство, с той лишь разницей, которую накладывают возраст и пережитые невзгоды. Свириное выражение лица Чингачгука смягчилось, и от него веяло теперь ясным спокойствием, которое отличает обычно индейского воина, когда для него нет необходимости напрягать все свои способности, защищая жизнь. Легко было заметить по теням, которые иногда пробегали по смуглому лицу индейца, что вспышки гнева было достаточно, чтобы вступила в силу та страшная эмблема, которая на страх врагам была изображена на теле Чингачгука.

В отличие от него Соколиный Глаз не знал покоя. Живой взгляд разведчика постоянно блуждал, не останавливаясь ни на мгновение. Он ел и пил с удовольствием, но бдительная осторожность никогда не покидала его. Раз двадцать фляга или кусок жареного мяса замирали в руке охотника, и он поворачивал голову то в одну, то в другую сторону, как бы прислушиваясь к отдаленному шуму.

– Друг, – заговорил Соколиный Глаз, вынимая из-под покрова листьев небольшой бочонок с вином и обращаясь к певцу, который отдавал должное его поварскому искусству, – попробуйте-ка этого виноградного сока – он прогонит все мысли о жеребенке и оживит вашу душу. Я пью за нашу дружбу и надеюсь, что бедная лошадка не послужит причиной ненависти между нами. Как ваше имя?

– Гамут, Давид Гамут, – ответил псалмопевец, собираясь залить свои печали глотком вкусного и сильно приправленного пряностями напитка.

– Отличное имя, и, полагаю, оно передано вам хорошими, честными предками. Я люблю такие имена, хотя изобретательность христиан в этом случае значительно отстает от остроумных обычаев индейцев. Самого большого труса, какого я когда-либо знал, звали Львом, а его жена носила имя Пейшенс (терпение). Между тем эта особа успевала наговорить множество неприятных слов в течение меньшего времени, чем нужно олени, чтобы промчаться сажень. У индейца имя – дело чести. Индеец обыкновенно принимает какое-нибудь подходящее для себя прозвище. Конечно, имя Чингачгук, что значит «Великий Змей», не означает, что он и в самом деле змея; нет, его имя говорит, что ему известны все извороты, все уголки челове-

ской природы, что он молчалив и умеет наносить своим недругам удары в такие мгновения, когда они совсем этого не ожидают. Каково же ваше призвание?

– Я – недостойный преподаватель благородного искусства псалмопения.

– О!

– Я преподаю пение юным новобранцам Коннектикута.¹⁰

– Вы могли бы выбрать занятие получше. Эти щенки и так слишком много хохочут и поют в лесах, когда им следовало бы сидеть затаив дыхание, как лисице в засаде. Умеете ли вы по крайней мере обращаться с ружьем?

– Слава богу, мне еще никогда не приходилось иметь дело со смертоносным оружием.

– Может быть, вы умеете находить путь по компасу, наносить на бумагу направление вод, обозначать на ней горы и пустыни так, чтобы люди сумели отыскать эти места?

– Нет, этим я не занимаюсь.

– У вас такие ноги, что могут превратить длинную дорогу в короткую. Я полагаю, генерал посылает вас с поручениями?

– Никогда. Я следую только моему высокому призванию, то есть обучаю людей церковной музыке.

– Странное призвание, – произнес Соколиный Глаз и усмехнулся. – Всю жизнь повторять, как пересмешник, все высокие и низкие ноты, которые вырываются из человеческого горла! Впрочем, друг, пение – ваш талант, и никто не имеет права его хулить, как никто не смеет порицать искусство стрельбы или какое-нибудь другое умение. Покажите-ка ваше искусство. Пусть это будет наше дружеское прощание на ночь. Ведь девушкам предстоит набраться сил перед долгой дорогой, в которую мы отправимся на рассвете, пока еще не зашевелились макуасы.

– С великим удовольствием, – сказал Гамут. Поправив очки в железной оправе, он вынул свой излюбленный томик и немедленно передал книгу Алисе. – Что может быть более подходящим и успокаивающим, чем вечерняя молитва после дня, полного опасности и риска!

Алиса улыбнулась. Она взглянула на Хейворда и вспыхнула, не зная, как ей поступить.

– Не стесняйтесь, – шепнул ей молодой офицер.

Алиса приготовилась петь. Давид выбрал гимн, отвечавший положению беглецов. Кора тоже пожелала присоединиться к сестре. Давид, который всегда придерживался в пении строгих правил, предварительно дал певцам тон, пользуясь своим камертоном.

Полился торжественный напев; иногда молодые девушки склонялись над книгой и усиливали свои звучные голоса, иногда понижали их, так что шум воды превращался в глухой аккомпанемент песен. Природный вкус и верный слух Давида руководили певицами. Он соразмерял силу голосов с размерами узкой пещеры, каждая трещина, каждая впадина которой наполнялась задушевными звуками. Индейцы с таким пристальным вниманием смотрели на скалы, что, казалось, они сами превратились в камни.

Разведчик сначала сидел, равнодушно опершись подбородком на руку, но мало-помалу его суровые черты смягчились. Может быть, в уме охотника воскресли воспоминания детства, тихие дни, когда ему приходилось слышать такие же псалмы из уст матери. Задумчивые глаза жителя лесов увлажнились, слезы покатались по его обветренным щекам, хотя он скорее привык к житейским бурям, чем к проявлениям душевного трепета. Пронесся один из тех низких, замирающих звуков, которые слух впитывает с жадным восторгом, точно сознавая, что это наслаждение сейчас прервется... И вдруг раздался вопль, не похожий ни на человеческий крик, ни на вопль другого земного существа; он потряс воздух и проник не только во все уголки пещеры, но и в самые укромные тайники человеческих сердец. Вслед за этим наступила полная тишина; чудилось, будто даже воды Гленна остановились, пораженные ужасом.

– Что это? – прошептала Алиса, очнувшись от столбняка.

---

¹⁰ Коннектикут – местность, граничившая с колонией Нью-Йорк.

– Что это? – громко спросил Дункан.

Ни Соколиный Глаз, ни индейцы не ответили. Они слушали, очевидно, ожидая повторения вопля, и молчанием выражали свое изумление. Наконец они быстро и серьезно заговорили между собой на делаварском наречии. По окончании их беседы Ункас осторожно выскользнул из отдаленного выхода пещеры.

Когда он ушел, разведчик снова заговорил по-английски:

– Мы не можем сказать, что это было, хотя двое из нас в течение тридцати с лишком лет изучали леса. Я думал, что моему слуху знакомы все крики индейцев, все звериные голоса, но теперь вижу, что я был просто тщеславным, самонадеянным человеком.

– Разве это не военный клич воинов, не вой, которым они стараются испугать врагов? – спросила Кора, спокойно опуская на лицо вуаль, в то время как ее младшая сестра заметно волновалась.

– Нет-нет, сейчас раздался зловещий, потрясающий звук, и в нем было что-то неестественное. Если бы вы хоть раз слышали боевой клич индейцев, вы никогда не приняли бы его за что-нибудь другое... Ну что же, Ункас? – снова по-делаварски обратился разведчик к возвратившемуся в пещеру молодому могиканину. – Что ты видел? Не просвечивает ли наш огонь сквозь завесы?

Послышался короткий и, по-видимому, отрицательный ответ на том же наречии.

– Ничего не видно, – продолжал по-английски Соколиный Глаз, с неудовольствием покачивая головой. – Но наша стоянка все еще остается тайной. Перейдите в другую пещеру, леди, и постарайтесь заснуть: вы нуждаетесь в отдыхе. Мы поднимемся задолго до восхода солнца, и нам придется торопиться, чтобы дойти до форта Эдвард, пока минги будут спать.

Кора повиновалась с таким спокойствием, что более робкая Алиса была принуждена последовать ее примеру. Однако, выходя из пещеры, она шепотом попросила Дункана пойти вместе с ними.

Ункас откинул для сестер завесу из одеяла. Повернувшись, чтобы поблагодарить его за внимание, девушки увидели, что разведчик снова уселся над потухающими углями, закрыв лицо руками, и, по-видимому, весь ушел в раздумье о непонятном звуке, который прервал вечернее пение.

Хейворд захватил с собой горящую сосновую ветку, и этот факел слабо осветил узкую пещеру, где девушкам предстояло провести ночь. Дункан укрепил его в трещине камня и подошел к сестрам; они остались с ним наедине в первый раз после отъезда из форта Эдвард.

– Не уходите, Дункан! – попросила его Алиса. – Мы не заснем в этом страшном месте, особенно теперь, когда ужасный вопль еще звучит у нас в ушах.

– Прежде всего осмотрим, достаточно ли безопасна наша крепость, – ответил Хейворд, – а потом поговорим об остальном.

Он прошел в самый дальний угол пещеры, к выходу, тоже закрытому тяжелым одеялом, и, отодвинув его, вдохнул полной грудью свежий, живительный воздух, веявший от водопадов. Ближайший рукав реки стремился по узкому глубокому ущелью, прорытому течением в мягком камне. Вода неслась у самых ног молодого офицера и, как ему казалось, образовала отличную защиту с этой стороны.

– Природа создала неодолимую преграду, – продолжал он, указав на черный поток под обрывом, и опустил завесу, – и вы сами знаете, что честные, верные люди охраняют вас. Поэтому почему бы вам не воспользоваться советом Соколиного Глаза? Я уверен, Кора согласится со мной и скажет, что вам обоим необходимо заснуть.

– Кора может согласиться с вашим мнением, но не сможет последовать вашему совету, – проговорила старшая сестра, устроившись рядом с Алисой на ложе из ветвей сассафраса. – Если бы мы даже не слышали непонятного, страшного крика, нам все равно было бы трудно

заснуть. Скажите-ка сами, Хейворд, могут ли дочери позабыть о том, как должен тревожиться их отец, не знающий, где они и что с ними случилось в этой глуши среди стольких опасностей?

– Он воин. Правда, ему известны опасности, но известны и преимущества лесов.

– Но он – отец, и от чувств отцовских он не сможет отречься.

– Как снисходительно, как терпеливо переносил он мои глупые затеи! С какой любовью исполнял все мои желания! – со слезами произнесла Алиса. – Кора, мы поступили неблагоприятно, предприняв эту рискованную поездку.

– Может быть, я необдуманно настояла на том, чтобы отец позволил нам приехать к нему в такое беспокойное время, но я хотела доказать ему, что если на других он не может положиться, то его дети остались ему верны.

– Когда он услышал о вашем решении приехать в форт Эдвард, – ласково сказал Хейворд, – в его душе произошла жестокая борьба между страхом и любовью, и любовь одержала победу. «Я не хочу останавливать их, Дункан, – сказал он. – Дай боже, чтобы все защитники нашего короля проявили половину той смелости, которую проявила Кора».

– А обо мне он ничего не сказал, Хейворд? – с ревнивой нежностью спросила Алиса. – Я уверена, что папа не мог совсем позабыть о своей маленькой Эльси...

– Конечно, нет, – ответил молодой человек. – Он осыпал вас множеством ласковых слов, которые я не осмелюсь повторить, чувствуя, однако, их справедливость. Раз он сказал...

Дункан вдруг умолк; глаза его были прикованы к Алисе, которая в порыве дочерней любви повернулась к нему, чтобы услышать слова отца, когда снова пронесся тот же ужасный вопль, и вслед за тем наступило долгое мертвое молчание. Все переглядывались, со страхом ожидая повторения дикого воя. Наконец медленно отодвинулось одеяло, и в отверстии пещеры показалась фигура разведчика; суровая твердость его лица сменилась неуверенностью при мысли о таинственных звуках, казалось, предвещавших неминуемую опасность, перед которой были бессильны и ловкость его, и опытность.

Глава VII

*Они не спят.
И вижу я на скалах тех —
Всей дикой бандой они сидят.*

Грей

– Если мы останемся здесь, – сказал Соколиный Глаз, – то пренебрежем предупреждением, которое дается нам для нашего же блага. Пусть нежные создания побудут в пещере, но мы, то есть я и могикане, пойдем на скалу сторожить. И, полагаю, майор шестидесятого полка присоединится к нам.

– Разве близка опасность? – спросила Кора.

– Только тот, кто издает эти странные вопли, знает о грозящей нам опасности. Я буду считать себя недостойным человеком, если стану прятаться в нору, слыша такое знамение в воздухе. Даже слабая душа, которая проводила свои дни в псалмопении, взволнована этими звуками и говорит, что «готова идти вперед на битву». Если бы нас ждала только битва, то с этим мы бы успешно справились. Но я слышал, что, когда между небом и землей разносятся подобные крики, это предвещает не совсем обычную войну.

– Если вы считаете, мой друг, что эти звуки вызваны сверхъестественными причинами, то нам не стоит слишком волноваться, – продолжала невозмутимая Кора. – Но не думаете ли вы, что наши враги хотят запугать нас и этим своеобразным путем без труда одержать над нами победу?

– Леди, – торжественным тоном ответил разведчик, – больше тридцати лет прислушивался я ко всем лесным звукам, как прислушивается человек, жизнь и смерть которого зависят от чуткости его слуха! Меня не обманут ни мурлыканье пантеры, ни свист пересмешника, ни крики дьявольских мингов. Я слышал, как лес стонал, точно человек в жестокой печали; слышал я и треск молнии, когда от ее огненных стрел разлетались сверкающие искры. Теперь же ни могикане, ни я – мы не можем объяснить себе, что это был за вопль. И потому мы думаем, что это – знамение неба, посланное для нашего блага.

– Странно... – сказал Хейворд и взял пистолеты, которые, входя в пещеру, положил на камень. – Все равно: знамение ли это мира, или призыв к бою – нужно выяснить, в чем дело. Идите, друг мой, я следую за вами.

Все почувствовали прилив отваги, когда, выйдя под открытое небо, вдохнули не душный воздух грота, а бодрящую прохладу, которая стояла над водопадами и водоворотами. Сильный ветер реял над рекой и, казалось, относил рев воды в глубину гротов, откуда слышался непрерывный гул, напоминающий раскаты грома за отдаленными горами. Луна поднялась, ее свет кое-где играл на поверхности воды; тот же край скалы, на котором они стояли, окутывала густая мгла. За исключением гула падающей воды да сильных вздохов порывистого ветра, все было так тихо, как только бывает ночью в полной глуши. Напрасно глаза всматривались в противоположный берег, стараясь уловить там малейшие признаки жизни, которые могли бы объяснить, что значили страшные звуки. Неверный свет луны обманывал напряженное зрение встревоженных людей, и их взгляд встречал только обнаженные утесы да неподвижные деревья.

– Среди тьмы и покоя прелестного вечернего затишья ничего не видно, – прошептал Дункан. – Как любовались бы мы картиной этого уединения в другое время, Кора! Представьте себе, что вы в совершенной безопасности, быть может...

– Слушайте! – прервала его Алиса.

Но ей незачем было останавливать майора: снова раздался тот же звук. По-видимому, он доносился от реки: вырвавшись из узких, стеснявших ее утесов, колеблясь, прокатился по лесу и замер где-то далеко-далеко.

– Как можно назвать такой вопль? – спросил Соколиный Глаз, когда последний отзвук страшного вопля затерялся в лесной глуши. – Если кто-нибудь из вас понимает, в чем дело, пусть скажет. Я же считаю, что это нечто сверхъестественное.

– В таком случае здесь найдется человек, который может разубедить вас, – сказал Дункан. – Эти вопли хорошо знакомы мне, так как я часто слышал их на поле сражения при обстоятельствах, которые нередко встречаются в жизни солдата. Это крик лошади. Иногда боль вырывает этот звук из ее горла, а иногда ужас. Вероятно, мой конь стал добычей хищных зверей или же он видит опасность, которую не в силах избежать. Я мог не узнать этих воплей, пока был в пещере, но на открытом воздухе не могу ошибиться.

Разведчик и его товарищи слушали это простое объяснение Дункана с интересом людей, которых новые понятия заставили отказаться от некоторых старых убеждений.

– У-у-ух! – произнесли могикане, когда истина стала им ясна.

Соколиный Глаз подумал немного и ответил:

– Я не могу отрицать справедливость ваших слов, потому что плохо знаю лошадей, хотя их здесь немало. Вероятно, на берегу вокруг них собрались волки, и теперь испуганные животные зовут на помощь человека, как умеют звать... Ункас, – на языке делаваров обратился он к молодому индейцу, – сойди-ка в пирогу и спусти по течению, швырни в стаю волков горящую головню, иначе страх сделает то, чего не в силах сделать волки, и мы останемся без лошадей. Между тем завтра нам нужно двигаться быстро.

Молодой туземец спустился уже к воде, чтобы исполнить приказание разведчика, когда на берегу реки раздался протяжный громкий вой, который скоро стал удаляться; казалось, охваченные внезапным ужасом, волки бросили свои жертвы.

Ункас поспешно вернулся обратно. И трое друзей снова стали совещаться.

– Мы напоминаем собой охотников, потерявших указания звездного неба и несколько дней не видевших скрытого от них солнца, – сказал Соколиный Глаз, делая несколько шагов в сторону. – Теперь мы снова начинаем видеть приметы пути, и он, слава богу, очищен от многих препятствий. Сядьте-ка в тени берега, здесь темнее, чем в тени сосен. Говорите только шепотом, хотя, быть может, нам лучше и благоразумнее в течение некоторого времени беседовать с собственными мыслями.

Стало ясно, что тревога Соколиного Глаза исчезла; теперь он был снова готов к борьбе. Было очевидно, что с открытием тайны, которую его собственный опыт не мог объяснить ему, исчез его мгновенный страх и, хотя он ясно представлял, в каком положении они находятся, он был готов встретить любую опасность с присущей ему отвагой и мужеством. Его чувства, казалось, разделяли и туземцы. Они стояли на скале, с которой открывался вид на оба берега; в то же время сами они были скрыты от глаз врага. Хейворд и его спутницы нашли нужным последовать примеру своих благоразумных проводников. Дункан собрал большую грудку веток сассафраса и положил ее в расселину, которая разделяла две пещеры. Кора и Алиса спрятались в этой расселине. Стены скал были способны предохранить сестер от вражеских выстрелов; в то же время майор успокоил встревоженных девушек, сказав им, что никакая опасность не застигнет их врасплох. Сам Хейворд поместился недалеко от Кору и Алисы и мог разговаривать с ними вполголоса. А Давид, подражая обитателям леса, спрятался между камнями так, что его неуклюжее тело не было видно.

Шли часы. Ничто не нарушало тишины и спокойствия ночи. Луна поднялась до зенита, и ее отвесные лучи освещали двух сестер, которые мирно спали, обняв друг друга. Дункан прикрыл сестер большой шалью Кору, тем самым лишив себя зрелища, которое он с такой любовью созерцал, потом опустил голову на обломок камня. Со стороны Давида неслись такие

звуки храпа, которые в минуту бдения, конечно, возмутили бы его же собственный слух. Словом, кроме разведчика и могикан, всех победил сон, все утратили сознание действительности. Но бдительные стражи не знали ни сонливости, ни усталости. Неподвижные, как камни, они лежали, сливаясь с очертаниями утесов, беспрестанно окидывая взглядом темные ряды деревьев, которые окаймляли противоположный берег узкого потока. Ни один звук не ускользал от их слуха, и самый тщательный наблюдатель не мог бы сказать, дышат они или нет. Было очевидно, что такую осторожность породила долгая опытность и что самая тонкая хитрость врагов не могла бы обмануть ее. Однако все было спокойно. Наконец луна закатилась; над верхушками деревьев у излучины реки появилась розовая полоска и возвестила о наступлении нового дня.

Тогда Соколиный Глаз впервые пошевелился, пополз вдоль утеса и разбудил крепко спавшего Дункана.

– Пора в путь, – прошептал охотник. – Разбудите девушек и, когда я подведу пирогу к удобному месту, приготовьтесь спуститься к реке.

– А ночь прошла спокойно? – спросил Хейворд. – Меня сморил сон и помешал мне караулить.

– Да, и теперь все тихо, как было в полночь. Но тише! Молчите и торопитесь! – И разведчик пошел к пироге.

Окончательно проснувшись, Дункан приблизился к спящим девушкам и, откинув шаль, прикрывавшую их, сказал:

– Кора! Алиса! Проснитесь, пора в путь!

Кора подняла руку, точно отталкивая кого-то. Алиса же пролепетала своим нежным голосом:

– Нет-нет, дорогой отец, нас не покинули, с нами был Дункан!

– Да, Дункан здесь, – с волнением прошептал юноша, – и, пока он жив и пока грозит опасность, он тебя не покинет!.. Кора! Алиса! Вставайте! Пора в путь!

Вдруг Алиса пронзительно вскрикнула, а Кора вскочила и выпрямилась во весь рост. Не успел майор выговорить слова, как раздались такие страшные завывания, что даже у Дункана вся кровь прихлынула к сердцу. С минуту казалось, будто все демоны ада наполнили воздух, окружавший путешественников, и вились около них, изливая свою лютую злобу в диких криках.

Ужасный вой несся со всех сторон.

Испуганным слушателям чудилось, что нестройные вопли раздавались в чаще леса, в пещерах подле водопадов, среди скал, неслись с русла реки, падали с небес. Под звуки этого адского шума и гама Давид выпрямился, зажал уши и вскрикнул:

– Откуда эта какофония? Может быть, разверзлись адские своды? Человек не решился бы издавать такие звуки!

Его неосторожное движение вызвало залп выстрелов с противоположного берега. Несчастный учитель пения без чувств упал на камни, служившие ему ложем во время долгого сна. Могикане смело ответили криками на военный клич своих врагов, которые при виде падения Гамута завывали, торжествуя. Началась быстрая перестрелка; но обе враждующие стороны были так опытные, что ни на миг не покидали прикрытия. С величайшим напряжением Дункан прислушивался, надеясь уловить звук весел; он думал, что осталось только одно средство спасения – бегство. Река по-прежнему катила свои волны мимо утесов, но пироги не было видно на черной воде. Хейворд уже начал думать, что разведчик безжалостно бросил их, как вдруг на скале под его ногами блеснуло пламя, и свирепый вой доказал, что посланница смерти, отправленная из ружья Соколиного Глаза, отыскала себе жертву. Даже этот слабый отпор заставил нападающих отступить. Мало-помалу крики дикарей замолкли, и Гленн снова окутала та же тишина, которая обнимала его дикие скалы до начала смятения и шума.

Дункан, пользуясь благоприятной минутой, подбежал к распростертому Гамуту и отнес его в узкую расселину, служившую убежищем обеим сестрам.

– Скальп бедняги уцелел, – спокойно заметил Соколиный Глаз, проводя рукой по голове Давида. – Вот человек, у которого слишком длинный язык! Это было безумием – показаться дикарям на незащищенной скале во весь свой огромный рост. Удивляюсь, что он остался жив!

– Разве он не умер? – спросила Кора голосом, в котором зазвучали хриплые нотки, выдававшие происходившую в ней борьбу между ужасом и желанием сохранить внешнее спокойствие. – Можем ли мы помочь этому несчастному?

– Он жив, сердце бьется. Дайте ему отдохнуть немного – он придет в себя, станет благоразумнее и доживет до назначенного ему часа, – ответил Соколиный Глаз, снова искоса посмотрев на неподвижное тело певца и в то же время с изумительной быстротой и ловкостью заряжая свое ружье. – Ункас, внеси его в пещеру и положи на ветки сассафраса. Чем дольше он проспит, тем будет лучше для него, так как вряд ли ему удастся найти достаточно хорошее прикрытие для своей длинной фигуры, а пением он не защитит себя от ирокезов.

– Значит, вы думаете, что атака повторится? – спросил Хейворд.

– Могу ли я думать, будто голодный волк насытится одним кусочком мяса? Макуасы потеряли одного из своих, а после первой потери, даже после неудачного нападения они всегда отступают. Но злодеи вернутся и придумают новое средство получить наши скальпы. Мы должны, – продолжал он, подняв лицо, омраченное тенью тревоги, – продержаться здесь, пока Мунро не пришлет нам на помощь солдат. Дай бог, чтобы это случилось поскорее и чтобы вел солдат тот, кто знает обычаи индейцев.

– Вы слышите, Кора, что, по всей вероятности, нас ожидает? – спросил Дункан. – Мы можем надеяться только на заботливость вашего отца. Войдите же обе в пещеру, там вы будете по крайней мере в безопасности от выстрелов наших врагов, и позаботьтесь о нашем несчастном товарище.

Молодые девушки прошли вслед за ним во внутреннюю пещеру, где лежал Давид, все еще неподвижный, но его вздохи показывали, что к нему возвратилось сознание. Передав раненого на попечение девушек, Хейворд пошел было к выходу, но его остановили.

– Дункан... – дрожащим голосом сказала Кора.

Майор обернулся и посмотрел на девушку. Ее лицо смертельно побледнело, губы дрожали, а в устремленных на него глазах было такое напряжение, что майор мгновенно вернулся к ней.

– Помните, Дункан, как необходима ваша жизнь для нашего спасения! Помните, что отец доверил нас вашим заботам; помните, что все зависит от вашей осторожности, – сказала она, и красноречивый румянец покрыл ее черты. – Словом, помните: вами дорожат все носящие имя Мунро.

– Если что-нибудь может увеличить мою привязанность к жизни, – ответил Хейворд, бессознательно глядя на молчавшую Алису, – то именно такая уверенность. Как майор шестидесятого полка я должен принять участие в обороне. Но нас ожидает нетрудная задача: нам придется только короткое время отбивать нападение дикарей.

Не дожидаясь ответа, он заставил себя уйти от сестер и присоединился к разведчику и могиканам, которые все еще лежали в узкой расселине между двумя пещерами.

– Повторяю тебе, Ункас, – говорил охотник, когда к ним подошел Хейворд, – ты даром тратишь порох – из-за этого ружье отдает и мешает пуле лететь как следует. Небольшое количество пороха, легкая пулька и долгий прицел – вот что почти всегда вызывает предсмертный вопль мингов... Идемте, друзья, спрячемся, потому что никто не в силах сказать, в какую минуту и в каком месте макуас нанесет удар.

Индейцы молча поместились так, что могли видеть всех, кто приблизится к подножию водопадов. Посредине маленького островка росло несколько низких, чахлах сосен, которые

образовали рощицу. Сюда с быстротой оленя бросился Соколиный Глаз; Дункан энергично побегал за ним. Здесь они постарались спрятаться между деревьями и обломками камней, рассеянных в роще. Над ними высилась скала, по обеим сторонам которой играла и бурлила вода, низвергаясь в пропасть. Теперь, когда рассвело, противоположный берег был отчетливо виден, Соколиный Глаз и майор вглядывались в чащу, различая все предметы под навесом мрачных сосен.

Долго тянулось тревожное ожидание; однако караульные не замечали признаков нового нападения. Дункан уже надеялся, что выстрелы его товарищей оказались успешнее, чем они сами предполагали, и что дикари окончательно отступили, но, когда он сказал об этом разведчику, Соколиный Глаз недоверчиво покачал головой.

– Вы не знаете макуасов, если думаете, что их так легко прогнать. Ведь им не удалось добыть ни одного скальпа. Если бы в это утро там вопил лишь один дьявол, а ведь их там было около сорока, – сказал он. – Они слишком хорошо знают, как нас мало, чтобы отказаться от преследования... Тсс! Посмотрите-ка на реку, вверх по течению, туда, где струи разбиваются о камни! Дьяволы переправились в этом месте! Им повезло: смотрите, они добрались до того края острова... Тсс! Тише, тише, не то волосы в одну секунду слетят с вашей головы!

Хейворд выглянул из-за своего прикрытия и увидел то, что ему по справедливости показалось верхом ловкости и отваги. Бурные струи сточили угол скалы, с которой свергалась река, и первый уступ камня стал менее отвесным. И вот, руководствуясь только легкой рябью, видневшейся там, где поток ударялся о край маленького острова, несколько гуронов решились броситься в поток и поплыли к этому месту, зная, что оттуда легко будет взобраться на остров и настичь намеченные жертвы.

Едва шепот разведчика замолк, четыре человеческие головы показались над бревнами, прибитыми течением к обнаженным скалам. В следующее мгновение в зеленой пене показалась пятая фигура; она плыла и боролась с водой. Индеец изо всех сил старался добраться до безопасного места. Стремительное течение несло его; вот он уже протянул руку своим товарищам, но бурлящий поток снова отбросил его от них. Вдруг гурон как бы взлетел на воздух, вскинул руки и исчез в зияющей бездне. Из пучины раздался отчаянный вопль. Потом все смолкло; наступила минута страшного затишья...

Первым побуждением Дункана было кинуться на помощь погибающему существу, но железные тиски рук охотника приковали его к месту.

– Вы хотите обнаружить наше укрытие и навлечь на всех нас верную смерть? – сурово спросил Соколиный Глаз. – Это сберегло нам один заряд. А боевые припасы так же дороги нам, как минутная передышка утомленному оленю. Перемените-ка порох в ваших пистолетах. Над водопадом поднимается такая водяная пыль, что селитра, пожалуй, отсырела. Приготовьтесь к борьбе врукопашную, я же буду стрелять.

Разведчик вложил палец в рот и громко, протяжно засвистел. Могикане, сторожившие скалы, ответили ему тем же. Дункан успел заметить, что головы над бревнами, прибитыми к берегу, мгновенно поднялись, но так же быстро исчезли из виду. Вскоре он услышал шорох, повернул голову и в нескольких шагах от себя увидел Ункаса; молодой индеец ловко полз по земле. Соколиный Глаз сказал могиканину несколько слов на языке делаваров, и Ункас необыкновенно осторожно и спокойно занял новую позицию. Хейворд переживал минуты лихорадочного и нетерпеливого ожидания, а разведчик счел это время подходящим для лекции о разумном и осторожном обращении с ружьями и пистолетами.

– Из всех видов оружия, – начал он свои наставления, – в опытных руках самое действенное – длинноствольное ружье, хорошо отполированное и сделанное из мягкого металла. Однако для обращения с таким ружьем нужны сильные руки, верный глаз и хороший прицел; только при таких условиях ружье покажет все свои достоинства. Я считаю, что оружейные мастера плохо знают свое ремесло, когда изготавливают короткие ружья и кавалерийские...

Тихое, но выразительное восклицание Ункаса прервало его речь.

– Вижу, вижу, друг, – продолжал Соколиный Глаз. – Они готовятся напасть, не то не стали бы поднимать над бревнами свои спины... Ну и отлично! – прибавил он, оглядывая свое ружье. – Первый из них, конечно, встретит верную смерть, будь то сам Монкальм.

Из леса донесся новый взрыв диких криков, и по этому сигналу четыре дикаря выскочили из-за прикрывавших их бревен. Ожидание было до того мучительно, что Хейворд почувствовал жгучее желание броситься им навстречу, но его остановило спокойствие Ункаса и разведчика. Гуруны перескочили через черные гряды скал, которые возвышались перед ними, и с диким воем кинулись вперед.

Когда они очутились в нескольких саженях от разведчика и его товарищей, ружье Соколиного Глаза медленно поднялось над кустами, и из длинного ствола вылетела роковая пуля. Передний гурун подпрыгнул, как подстреленный олень, и упал между утесами.

– Теперь, Ункас, твоя очередь, – приказал Соколиный Глаз и, сверкая глазами, вынул из-за пояса свой длинный нож. – Последний из этих бесов – твой. С остальными справимся мы, о них не заботься.

Хейворд отдал Соколиному Глазу один из своих пистолетов и вместе с разведчиком стал быстро спускаться навстречу врагам. Разведчик и майор выстрелили одновременно, но оба неудачно.

– Я так и знал, так и говорил! – прошептал Соколиный Глаз и презрительно кинул маленький пистолет в водопад. – Ну, подходите, кровожадные адские псы!

И тотчас же перед ним выросла исполинская фигура индейца с жестоким, свирепым лицом. В то же время между Дунканом и другим краснокожим начался рукопашный бой. Соколиный Глаз и его противник с одинаковой ловкостью схватили друг друга за поднятые руки, сжимавшие страшные ножи. С минуту они неподвижно стояли, напрягая мускулы и стараясь пересилить один другого. Вздувшиеся мышцы белого одерживали победу над менее изощренными мускулами гуруна; руки дикаря уступали усилиям разведчика. Вдруг Соколиный Глаз окончательно освободился от врага и одним ударом ножа пронзил его грудь.

Между тем Хейворд ожесточенно боролся со своим врагом, и смерть грозила молодому офицеру. В первой же схватке индеец выбил из рук Хейворда его тонкую шпагу, и майор остался без защиты; все спасение Дункана зависело только от его силы и ловкости. У него не было недостатка ни в том ни в другом, но он встретил противника, который не уступал ему. К счастью, Хейворду удалось обезоружить гуруна, и нож индейца со звоном упал на камень.

С этого мгновения началась отчаянная борьба: один из противников должен был сбросить другого с головокружительной высоты.

С каждой минутой они приближались к обрыву; здесь предстояло сделать окончательное, последнее усилие. Оба вложили всю свою решимость в это усилие, и оба, шатаясь, оставались над пропастью. Хейворд чувствовал, как пальцы дикаря впиваются в горло, душат его, видел злобную улыбку гуруна, который надеялся увлечь с собой в пропасть врага и заставить его разделить свою страшную участь. Тело майора медленно уступало непреодолимой силе краснокожего, но вдруг перед глазами Хейворда мелькнула темная рука, сверкнуло лезвие ножа. Пальцы гуруна мгновенно разжались, и спасительные руки Ункаса оттащили Дункана от края пропасти. Но молодой майор все еще не мог оторвать взгляда от ужасного лица индейца, который катился в пропасть.

– Под прикрытие! – закричал Соколиный Глаз, только что покончивший со своим противником. – Если вам дорога жизнь, спрячьтесь за камни. Дело еще не окончено.

Из горла молодого могиканина вырвался победный клич, и он в сопровождении Дункана быстро поднялся на откос, с которого майор сбежал перед началом боя; оба скрылись среди камней и кустов.

Глава VIII

Мстители родины

Все еще медлят.

Грей

Предостережение разведчика было своевременным. Пока происходила описанная нами борьба, ни человеческий голос, ни шум шагов не нарушали однообразного гула водопада. Гуроны с таким напряжением следили за исходом схватки, что, казалось, не могли сойти с места. Быстрые движения сражающихся мешали им стрелять во врагов, потому что их выстрелы могли оказаться гибельными и для друзей. Но когда все кончилось, поднялся свирепый вой и один за другим стали вспыхивать ружейные выстрелы, посылая свинцовых вестниц целыми залпами, как будто нападающие изливали злобу на бесчувственные скалы.

Ружье Чингачгука отвечало им неторопливым, но метким огнем. Старший могиканин с бесстрастной твердостью не покидал своего поста в продолжение всей предыдущей сцены. Только когда победный клич Ункаса долетел до его слуха, отец ответил молодому человеку радостным восклицанием, но тотчас же снова замер, и теперь лишь его выстрелы доказывали, что он с непоколебимым усердием охраняет свой пост.

Так с быстротой мысли пролетело много минут. Нападающие стреляли то залпами, то враспынную. И хотя окружающие скалы, деревья и кусты были все изрешечены пулями, до сих пор единственным пострадавшим из всего маленького отряда был бедный Давид, столь надежно оказалось убежище осажденных.

– Пусть жгут свой порох, – спокойно сказал Соколиный Глаз, слушая, как свистят пули, пролетая мимо скалы, за которой он скрывался в безопасности. – Тем лучше: когда все кончится, мы подберем пули. И думаю, забава надоест этим бесам раньше, чем камни попросят у них пощады... Ункас, мальчик, ты даром тратишь порох и засыпаешь его слишком много. Ружье отдает, и пуля летит плохо. Я говорил тебе: целься в этого злодея так, чтобы угодить ему под белую черту, ну а твоя пуля попала на два дюйма выше. Жизнь у мингов запрятана глубоко, а опыт учит нас быстро справляться со змеями.

Спокойная улыбка осветила черты молодого могиканина, обнаружив его знание английского языка, однако Ункас ничего не ответил.

– Напрасно вы упрекаете Ункаса в недостатке искусства, – произнес Дункан. – Он спас мне жизнь самым разумным, отважным образом. Теперь я его друг навеки и никогда не забуду, чем ему обязан.

Ункас приподнялся и протянул Хейворду руку.

В момент дружеского рукопожатия молодые люди понимающе взглянули друг на друга, и Дункан позабыл и про характер и про общественное положение своего дикого товарища. Тем временем Соколиный Глаз, который спокойно и доброжелательно смотрел на это проявление юношеских чувств, сказал:

– В пустынях и лесах друзья часто оказывают друг другу такие услуги. И мне случалось выручать Ункаса из беды, и я отлично помню, что он пять раз заслонял меня от смерти: три раза при столкновении с мингами, раз при переправе через Хорикэн и...

– Эта пуля была пущена лучше остальных! – вскрикнул Дункан и невольно отшатнулся от скалы, в которую попал выстрел.

Соколиный Глаз поднял сплюснвшуюся пулю, покачал головой и сказал:

– Свинец, падающий на излете, никогда не расплющивается. Это могло случиться, только если пуля свалилась с облаков.

Ункас поднял ружье, и глаза остальных устремились вверх. Загадка мгновенно открылась. На правом берегу реки поднимался могучий дуб; дерево это так наклонилось вперед, что его верхние ветви нависли над рекой. Посреди листвы, едва прикрывавшей узловатые ветви старого дуба, приютился гурон; он то прятался за ствол, то выглядывал из-за ветвей, желая увериться, попал ли в цель его выстрел.

– Эти бесы готовы забраться на самое небо, чтобы только погубить нас, – сказал разведчик. – Держи его под прицелом, мальчик, пока я заряжу свой «оленебой». Потом мы сразу выстрелим в дерево с обеих сторон.

Ункас дожидался сигнала разведчика. Наконец вспыхнули два выстрела. Кора и листья дуба полетели в воздух, и ветер разнес их в разные стороны. Дикарь ответил своим врагам только насмешливым хохотом и послал новую пулю, которая сбила шляпу с головы Соколиного Глаза. И снова из лесных чащ вырвался дикий, свирепый крик и свинцовый град засвистел над головой осажденных; казалось, будто дикари хотели заставить своих врагов не двигаться с места, чтобы облегчить прицел воину, взобравшемуся на высокий дуб.

– Нужно защититься от пуль, – сказал разведчик. – Ункас, позови-ка отца: нам нужны все ружья, чтобы справиться с хитрым чертом и выбить его из гнезда.

Прозвучал сигнал, и не успел Соколиный Глаз зарядить свое ружье, как Чингачгук был уже рядом. Когда Ункас показал опытному воину положение, занятое противником, с губ старого могиканина сорвалось только обычное восклицание «у-у-ух!»; больше он ничем не выразил ни своего удивления, ни тревоги. Соколиный Глаз и могикане несколько секунд оживленно совещались на делаварском наречии, а потом каждый из них спокойно занял свое место, готовясь выполнить намеченный план.

С тех пор как осажденные заметили воина, скрывавшегося среди ветвей, его выстрелы стали беспорядочными, потому что, едва он показывался из-под прикрытия, ружья врагов грозили ему. Все же его пули иногда долетали до них. Мундир Хейворда был пробит в нескольких местах. На одном рукаве показалась кровь, выступившая из легкой раны.

Наконец, ободренный терпеливым ожиданием врагов, гурон попытался прицелиться получше. Быстрые взгляды Чингачгука и Ункаса тотчас же уловили его намерения. Сквозь скудную листву в нескольких дюймах от ствола дуба мелькнули ноги дикаря, и ружья могикан мгновенно выстрелили. Гурон присел на раненую ногу, и все его тело показалось из-под прикрытия. С быстротой мысли Соколиный Глаз воспользовался этим и выстрелил из своего рокового «оленебоя». Листья дуба заволновались, ружье гурона упало с высоты, и после короткой напрасной борьбы тело дикаря закачалось в воздухе, хотя он все еще отчаянно цеплялся за обнаженный сук дерева.

– Во имя милосердия, пустите в него пулю! – воскликнул Дункан, с ужасом отводя взгляд от несчастного.

– Не истрачу ни одной дробинки, – твердо произнес Соколиный Глаз. – Он все равно погиб, а у нас нет лишнего пороха, между тем бой с индейцами иногда длится по нескольку дней. Вопрос в том, сохраняют ли они свои скальпы или уцелеют наши.

Никто не мог возражать против такого сурового и непоколебимого решения.

Крики в лесу смолкли, выстрелы ослабли; взгляды друзей и врагов не отрывались от несчастного, висевшего между небом и землей. Ветер раскачивал тело, и, хотя из уст погибающего не вырвалось ни стона, ни ропота, он по временам мрачно оглядывался на своих противников, и тогда, несмотря на расстояние, они читали в его чертах муку отчаяния. Три раза разведчик поднимал свое ружье, три раза осторожность останавливала его, и длинное дуло прославленного «оленебоя» медленно опускалось. Наконец одна рука гурона разжалась и, обессилев, повисла вдоль тела. Отчаянно, но бесплодно пытался он снова овладеть веткой – рука судорожно хватала пустоту. Молния не была быстрее выстрела Соколиного Глаза; труп дикаря дрогнул и, точно свинцовый, упал в пенящиеся волны реки.

Ни один победный клич не огласил воздух после этого события, и даже суровые могикане с ужасом молча переглянулись между собой. Из леса снова донесся страшный вопль. Только один Соколиный Глаз сохранил способность рассуждать; он покачал головой и укоризненно пробормотал:

– Это был последний заряд пороха, последняя пуля из сумки... Я поступил, как мальчишка. Ну не все ли мне было равно, живой или мертвый он свалится в воду!.. Ункас, мальчик мой, пройди-ка к пироге да принеси оттуда большой рог. Там весь запас нашего пороха. К сожалению, мы, вероятно, скоро истратим его до последней крупинки. Если я ошибаюсь, пусть скажут, что я совсем не знаю макуасов.

Молодой могиканин быстро исполнил приказание разведчика. Соколиный Глаз уныло и бесполезно перебирал содержимое своей сумки и напрасно старался выскрести порох из пустой пороховницы. Его занятие скоро прервал громкий и пронзительный крик Ункаса. Даже для неопытных ушей Дункана восклицание молодого могиканина показалось сигналом нового, неожиданного бедствия. Хейворд тотчас вскочил, совершенно позабыв об опасности, которую мог на себя навлечь, встав во весь рост. Слобно поддавшись его побуждению, остальные тоже кинулись в узкий проход между двумя пещерами. Они двигались так быстро, что выстрелы врагов пропали впустую. Крик Ункаса заставил сестер и раненого Давида выйти из убежища, и скоро все поняли, какое несчастье привело в ужас молодого индейца.

Невдалеке от утеса виднелась легкая пирога разведчика; она неслась по реке, очевидно, под управлением какого-то невидимого пловца. Когда Соколиный Глаз увидел это, он мгновенно вскинул ружье и спустил курок; сверкнула искра кремня, но ствол не ответил выстрелом.

– Поздно! Слишком поздно! – воскликнул Соколиный Глаз и с отчаянием уронил ружье на землю. – Этот злодей миновал быстрину, и, даже если бы у нас был порох, я не мог бы остановить его пулей.

Между тем предприимчивый гурон приподнял голову из-за борта пироги и, скользя по течению, взмахнул в воздухе рукой. Из его груди вылетел победный клич; из леса ему ответили завывания, смех и свирепые крики.

– Смейтесь, дети сатаны! – пробормотал разведчик, садясь на выступ скалы. – Самые меткие ружья, лучшие три ружья в этих лесах, теперь не опаснее прошлогодних оленьих рогов!

– Что же теперь делать? – спросил Дункан. – Что с нами будет?

Вместо ответа Соколиный Глаз только провел пальцем вокруг темени, и это движение было до того красноречиво, что никто из видевших жест разведчика не мог усомниться в его значении.

– Нет-нет, наше положение не может быть так безнадежно! – воскликнул молодой майор. – Гуруны еще не здесь, у нас есть возможность укрепить пещеры и помешать им высидеться.

– А какими средствами, спрошу я вас? – послышался вопрос Соколиного Глаза. – Стрелами Ункаса или слезами девушек? Нет-нет, вы молоды, богаты, у вас есть друзья, и я понимаю, что в ваши лета тяжело умирать. Но, – прибавил он и перевел взгляд на могикан, – не следует забывать, что мы с вами белые. Покажем жителям этих лесов, что белые так же бесстрашно проливают свою кровь, как и краснокожие, когда наступает их последний час!

Дункан посмотрел по направлению взгляда разведчика; поведение индейцев подтвердило его самые ужасные опасения.

Чингачгук в гордой позе сидел на обломке скалы; он положил на камень нож и томагавк, снял с головы орлиное перо и приглаживал единственную свою прядь волос, как бы готовя ее для последнего, ужасного назначения. Лицо индейца было спокойно, хотя и задумчиво; его темные глаза мало-помалу теряли воинственный блеск и принимали выражение бесстрастия и готовности к смерти.

– Я не верю, чтобы наше положение было совсем безнадежно, – повторил Дункан. – Каждую секунду может подойти помощь, и я не вижу ни одного врага. Им надоела борьба, во время которой они подвергаются слишком большой опасности, не видя впереди достаточной выгоды.

– Может быть, через минуту... через час эти змеи подкрадутся к нам. В это самое мгновение они способны лежать и слушать нас, – сказал Соколиный Глаз. – Чингачгук, – прибавил он на языке делаваров, – брат мой, мы с тобой вместе бились в последний раз... Теперь макуас будет торжествовать при мысли о смерти мудрого могиканина и его бледнолицего друга, чьи глаза видят ночью так же, как и днем.

– Пусть жены мингов плачут над своими убитыми! – с непоколебимой твердостью гордо ответил индеец. – Великий Змей могикан свернул свои кольца в их вигвамах, отравил их победные клики плачем и стонами детей, отцы которых не вернулись домой. С тех пор как растаял последний снег, одиннадцать воинов уснули навеки вдали от могил своих праотцев, и никто не скажет, где они пали, после того как язык Чингачгука замолкнет навеки. Пусть обнажатся острые ножи макуасов, пусть взвываются в воздух их самые быстрые томагавки, потому что величайший враг мингов попался в их руки... Ункас, последний побег благородного дерева, позови этих трусов, прикажи им поторопиться.

– Они отыскивают своего умершего соплеменника там, среди рыб, – ответил тихий, мягкий голос молодого вождя. – Гуроны плывут вместе со скользкими угрями. Как спелые плоды, падают они с ветвей деревьев, а могикане смеются.

– Ого! – пробормотал Соколиный Глаз, который с глубоким вниманием слушал речь туземцев. – Пожалуй, их насмешки ускорят месть макуасов. Но я белый, без примеси индейской крови, а потому мне подобает умереть смертью белого, то есть без брани на устах и без горечи в сердце.

– Да зачем же умирать? – произнесла Кора, отступая от скалы, к которой ее приковало чувство ужаса. – Путь открыт со всех сторон. Бегите в лес и просите бога помочь вам. Идите, храбрые люди, мы и так уж слишком многим обязаны вам и не должны заставлять вас делить с нами несчастье.

– Плохо вы, леди, знаете хитрых ирокезов, если думаете, что они не отрезали все пути к отступлению в лес, – ответил Соколиный Глаз и тотчас же простодушно прибавил: – Конечно, если бы мы пустились вплавь вниз по реке, течение скоро унесло бы нас на расстояние, неудобное ни для их выстрелов, ни для звуков их голосов.

– Попытайтесь же спастись вплавь! Зачем оставаться здесь и увеличивать число жертв? – в порыве великодушия сказала Кора.

– Зачем? – повторил разведчик, гордо оглядываясь кругом. – Затем, что человеку лучше умереть со спокойной совестью, чем до конца жизни мучиться раскаянием. Что скажем мы Мунро, когда он спросит нас, где мы оставили его дочерей?

– Подите к нему и скажите, что вы пришли за помощью для них, – сказала Кора и подошла к разведчику. – Скажите, что гуроны ведут его дочерей в северные леса, но что их можно еще спасти, если поторопиться. Если же, несмотря на все это, господу будет угодно, чтобы помощь опоздала, принесите отцу... – голос Кору задрожал, и она с трудом подавила слезы, – наше благословение, последние молитвы, привет, полный любви...

По суровому, обветренному лицу разведчика пробежала судорога, и, когда Кора замолчала, он оперся подбородком на руку, как бы в глубоком раздумье над ее словами.

– В этих речах есть некоторая доля смысла, – сорвалось наконец с его дрожащих губ. – Чингачгук, Ункас! Слышите вы, что говорит черноглазая девушка?

И он заговорил со своими товарищами на делаварском наречии. Хотя речь разведчика текла медленно, спокойно, в его тоне звучала твердая решимость. Старший могиканин слушал в глубоком молчании и, по-видимому, взвешивал слова своего товарища, точно осознавая их огромное значение. После минутного колебания Чингачгук в знак согласия махнул рукой и

сказал по-английски «хорошо» с такой выразительностью, которая свойственна только голосу индейцев. Потом, засунув за пояс свой нож и томагавк, воин медленно подошел к краю скалы, наименее заметному с берегов реки. Тут он постоял мгновение, многозначительно указал на лес внизу, произнес несколько слов на своем языке, точно определяя намеченный им путь, бросился в воду, нырнул и скрылся с глаз наблюдателей.

Разведчик немного задержался, чтобы сказать несколько слов Коре, которая с облегчением вздохнула, увидев, как подействовали ее слова.

– Иногда в юной душе проявляется такая же мудрость, как и в старой, – сказал он. – Если вас уведут в леса, то есть тех из вас, кого временно пощадят, заламывайте по пути ветки кустов и деревьев и старайтесь двигаться так, чтобы оставался широкий след. Тогда, поверьте, найдется друг, который не покинет вас, хотя бы ему пришлось идти за вами на край света!

Он ласково пожал руку Коре, поднял ружье, печально посмотрел на него, снова осторожно положил свой «оленебой» на камень, наконец спустился к тому месту реки, где исчез Чингачгук. Соколиный Глаз на мгновение повис на скале, озабоченно оглянулся и с горечью произнес:

– Если бы у меня остался порох, не было бы такого несчастья и позора!

Наконец он разжал руки и очутился в воде; струи сомкнулись над его головой, и он скрылся.

Теперь взоры оставшихся обратились к Ункасу, который неподвижно стоял, прислонясь к утесу. Кора сказала ему:

– Враг не заметил наших друзей, и они теперь, вероятно, уже в безопасности. Не пора ли и вам последовать за ними?

– Ункас останется, – спокойно по-английски ответил молодой могиканин.

– Это только сделает наш плен еще тяжелее и уменьшит для нас возможность спасения, – произнесла Кора. – Идите, великодушный юноша, – продолжала она, опуская глаза под взглядом могиканина и смутно угадывая свою власть над ним. – Идите к моему отцу, как я уже говорила другим, и будьте самым верным из моих гонцов. Скажите ему, чтобы он дал вам денег для выкупа его дочерей из неволи. Идите! Я желаю этого! Я прошу вас идти!

Спокойное лицо молодого вождя помрачнело, но он перестал колебаться. Неслышными шагами Ункас пересек скалистую площадку и скользнул в бурный поток. Почти не дыша, смотрели на реку оставшиеся, пока его голова не показалась над водой довольно далеко от островка. Набрав воздуха, Ункас снова скрылся под водой.

Этот быстрый и, по-видимому, удачный маневр трех жителей лесов занял всего несколько минут. Посмотрев в последний раз вслед Ункасу, Кора повернулась к Хейворду и произнесла дрожащими губами:

– Я слышала, что вы тоже славитесь искусством плавать. Итак, за ними! Последуйте благоразумному примеру этих простосердечных людей!

– А разве Кора Мунро требует именно такого доказательства верности от своего защитника? – с печальной улыбкой ответил Дункан, и в его тоне прозвучала горечь.

– Теперь не время спорить, – ответила девушка. – Настал момент, когда долг каждого – проявить себя лучшим образом. Здесь от вас не будет пользы, но ваша драгоценная жизнь может быть спасена для других, более близких друзей.

Дункан не ответил, а только посмотрел на прелестную Алису, которая с детской беспомощностью прижималась к его руке.

– Подумайте, – продолжала Кора после короткого молчания, во время которого она, видимо, изо всех сил старалась заглушить в себе боль, еще более острую, чем страх, – ведь смерть – самое худшее, что может ждать нас, а смерти никто не минует.

– Бывают несчастья хуже смерти, – резко, как бы досадуя на ее настойчивость, ответил Дункан, – но человек, готовый умереть ради вас, может отвратить их.

Кора перестала уговаривать его и, закрыв лицо шалью, увлекла почти потерявшую сознание Алису в глубину второй пещеры.

Глава IX

*Будь весела, моя любовь,
Не бойся.
Улыбкой светлой тучи прогони ты,
Что омрачили нежное чело.*
«Смерть Агриппины»

Шум и волнение боя, точно по волшебству, сменились тишиной, и возбужденному воображению Хейворда все это показалось каким-то страшным бредом. То, что произошло, глубоко запечатлелось в его памяти, а между тем он с трудом мог уверить себя в действительности недавних событий. Не зная, какая судьба постигла людей, вверившихся быстрому потоку, Дункан внимательно прислушивался, ожидая каких-нибудь сигналов или звуков тревоги, по которым он мог бы узнать, удался ли рискованный побег. Но напрасно напрягал он свое внимание: ничто не говорило о судьбе этих смелых людей. В миг горестного сомнения Дункан забыл о необходимости прятаться за скалу, к чему совсем недавно надо было прибегать для безопасности. Однако каждая попытка обнаружить хотя бы малейший намек на приближение врагов была такой же бесплодной, как и поиски уплывших друзей. Казалось, все живое снова покинуло лесистые берега реки. Ястреб-рыболов, наблюдавший за боем издали, сидя на верхних сучках сухой сосны, теперь слетел со своего высокого насеста и, описывая широкие круги, парил над добычей. Сойка, крикливый голос которой терялся в диком вое индейцев, снова оглашала воздух нестройными криками, точно считая, что к ней вернулось владычество над лесной глушью. Эти звуки воскресили в Дункане слабое мерцание надежды; он собрался с силами к предстоящей борьбе, и в нем ожила уверенность в победе.

– Гурунов не видно, – сказал он Давиду, который все еще не оправился от удара, ошеломившего его. – Спрячемся в пещере. В остальном да будет воля providения!

– Помнится, я вместе с двумя прелестными девушками воссылал всевышнему славословия и благодарения, – в полубессознательном состоянии заговорил Давид, – но меня постигла жестокая... впрочем, справедливая кара за мои грехи. Я как бы заснул, но это был ненастоящий сон. Резкие, нестройные звуки сражения раздирали мой слух. Это был хаос. Казалось, наступил конец света и природа забыла о гармонии.

– Бедный малый! Вы действительно были на волосок от смерти. Но встаньте, идите за мной. Я отведу вас в такое место, где вы не услышите других звуков, кроме псалмопений.

– В шуме водопада звучит мелодия, и журчание вод сладко, – сказал Давид, прижав руку к своей полной смятения голове. – Только не звучат ли в воздухе взвизгивания и такие вопли, что кажется, будто души осужденных...

– Нет-нет, – нетерпеливо прервал его Хейворд, – крики смолкли. Все тихо и спокойно, кроме воды... Итак, идите туда, где вы можете спокойно распевать песни, которые так любите.

Давид печально улыбнулся, но при упоминании о его любимом деле на лице псалмопевца мелькнул луч удовольствия. Без колебаний позволил он отвести себя в пещеру, надеясь там успокоить мелодией свой измученный слух. Опираясь на руку Дункана, Гамут пошел к сестрам, а Дункан схватил охапку сассафраса, завалил ароматными ветвями вход в пещеру и замаскировал его. Позади этой хрупкой преграды он повесил брошенные лесными жителями одеяла; таким образом, во внутреннюю пещеру не мог проникнуть свет, во внешнюю же вливался легкий отблеск из узкого ущелья, по которому один рукав реки мчался вперед, чтобы там, ниже по течению, слиться с другим водным потоком.

– Мне не по душе правило туземцев, которое принуждает их покориться несчастью без борьбы, – сказал Дункан, продолжая укладывать ветви. – Наше правило: «Пока не иссякла

жизнь – не исчезла надежда» – гораздо утешительнее и более отвечает характеру воина. Вас, Кора, я не стану утешать, у вас достаточно мужества. Но не можете ли вы осушить слезы бедняжки, которая, дрожа, прижимается к вашей груди?

– Я стала спокойнее, Дункан, – ответила Алиса, отстраняясь от сестры и стараясь, несмотря на слезы, казаться твердой, – гораздо спокойнее. Конечно, здесь, в этой закрытой пещере, мы в безопасности: нас не найдут, нам не сделают зла, и мы можем надеяться на помощь смелых людей, которые ради нас уже подвергались страшным опасностям.

– Вот теперь и наша кроткая Алиса говорит, как подобает дочери Мунро, – сказал Хейворд и, подходя к внешнему входу в пещеру, остановился, чтобы пожать ей руку. – Имея перед собой два таких образца мужества, позор быть трусом.

Дункан сел посредине пещеры и судорожно сжал уцелевший пистолет; суровые глаза майора говорили о его мрачном отчаянии.

– Если сюда и придут гуроны, занять эту позицию им будет не так-то просто, – пробормотал он и, прислонив голову к скале, стал терпеливо ждать дальнейших событий, не спуская глаз со входа в грот.

Когда замолк звук его голоса, наступила продолжительная, глубокая, почти мертвая тишина. Свежий утренний воздух проникал в пещеру. Минута проходила за минутой, ничто не нарушало покоя; в душе ожидавших помощи зародилось чувство надежды.

Один Давид не разделял общего волнения. Он сидел безучастно. Луч, заглянувший в отверстие пещеры, осветил его изнуренное лицо и упал на страницы томика, который певец стал снова перелистывать, точно отыскивая там песнь, наиболее подходящую к этой минуте. Скоро старания Гамута увенчались успехом, он громко произнес: «Остров Уайт», извлек протяжный нежный звук из своего камертона и собственным, еще более музыкальным голосом пропел вводные модуляции к гимну, название которого только что объявил.

– А это не опасно? – Темные глаза Кору вопрошительно взглянули на майора.

– Голос певца так слаб, что его заглушит грохот и рев водопада, – был ответ. – Кроме того, пещера поглотит звук. Пусть же он отдастся влечению своего сердца, это не может быть опасно.

– «Остров Уайт»! – повторил Давид и оглянулся с тем важным видом, который помогал ему подавлять шепот своих учеников. – В этом гимне прекрасная мелодия и торжественные слова. И нужно петь его с должным уважением.

После короткого молчания послышался голос певца, понеслись тихие рокочущие звуки, и наконец мелодия заполнила узкую пещеру. Все с глубоким волнением слушали, как льется чарующая мелодия, все забыли о бессмысленности произнесенных слов. Алиса бессознательно отерла слезу и мягко посмотрела на бледное лицо Гамута. Кора одобрительно улыбнулась, а Хейворд отвел напряженный взгляд от входа в пещеру и смотрел то на Давида, то на Алису, глаза которой светились восторгом. Сочувствие слушателей тронуло душу поклонника музыки, его голос приобрел прежнюю полноту и задушевность. Певец сделал новое усилие, и полились протяжные мощные звуки. Вдруг снаружи раздался страшный крик. Священный гимн мгновенно прервался, певец замолк, точно сердце несчастного подступило к его гортани и сразу задушило псалмопевца.

– Мы погибли! – вскрикнула Алиса, бросаясь в объятия Кору.

– Нет еще, нет еще! – ответил взволнованный, но неустрашимый Хейворд. – Крик донесся от середины острова и вырвался у дикарей при виде убитых товарищей. Они не открыли нашего убежища, и для нас еще не угасла надежда.

Как ни была слаба возможность спасения, слова Дункана не пропали даром: одобренные девушки нашли в себе силы молча ждать дальнейших событий.

Вскоре послышалось завывание, потом в различных местах острова зазвучали голоса: сначала они слышались в его дальнем конце, потом стали приближаться к пещере.

Наконец среди смятения и шума пронесся торжествующий, победный клич в нескольких ярдах от замаскированного входа в пещеру. Хейворд решил, что их убежище найдено, и остаток надежды погас в его душе. Но он снова немного успокоился, услышав, что крики раздаются близ камня, на который Соколиный Глаз с таким сожалением положил свое ружье. Майор ясно различал говор индейцев; он слышал не только отдельные слова, но и целые фразы, произнесенные на канадском жаргоне, в основу которого положен французский язык. Вдруг хор голосов повторил: «Длинный Карабин!»

Эти слова раздались эхом в соседнем лесу, и Хейворд вспомнил, что это имя было дано врагами охотнику и разведчику английской армии; только теперь Дункан понял, кто был его спутник.

«Длинный Карабин, Длинный Карабин...» – переходило из уст в уста, и вот вся шайка, по-видимому, собралась около военного трофея, который как бы доказывал смерть его страшного владельца. Затем гуроны снова рассеялись по острову, оглашая воздух именем врага, чье тело, как это понял Хейворд из восклицаний гуронов, они думали отыскать в какой-нибудь расселине.

– Теперь, – шепнул Хейворд девушкам, – все скоро решится. Если гуроны не найдут нашего убежища, мы уцелеем. Во всяком случае, судя по фразам, которые мне удалось понять, наши друзья спаслись, и скоро мы можем ждать помощи от Вебба.

Прошло несколько минут страшного затишья. Хейворд понимал, что в это время гуроны производят новые, более тщательные поиски. Он различал шаги гуронов, задевающих за ветки сассафраса; слышал, как шуршали сухие листья и с треском ломались сучки. Наконец гряда ветвей слегка подалась, один угол одеяла упал, и слабый свет заиграл в отдаленном углу пещеры. Кора в ужасе прижала Алису к своей груди, Дункан вскочил. Прозвучало восклицание из глубины внешней пещеры, и это значило, что в нее вошли враги. Через минуту многочисленные голоса дали понять слушателям, что все дикари собрались около их убежища.

Так как лишь небольшое расстояние разделяло внутренние проходы обеих пещер, Дункан понимал, что бегство невозможно. Он прошел мимо Давида и обеих девушек и остановился подле входа, ожидая страшной встречи. Теперь всего несколько футов отделяло его от беспощадных преследователей. Майор прижал лицо к отверстию и с равнодушием отчаяния выглянул наружу, следя за движениями гуронов.

Он мог бы дотронуться до мускулистого плеча исполина индейца, повелительный и властный голос которого направлял действия всех его товарищей. Под сводом другой пещеры толпа дикарей переворачивала и перетряхивала вещи, составлявшие скромное имущество разведчика. Кровь из раны Давида окрасила листья сассафраса; видя это доказательство успешности своих действий, индейцы схватили ароматные ветви, устилавшие пол пещеры, втащили их в расселину и стали разбрасывать, точно подозревая, что они скрывают тело ненавистного и опасного для них человека. Воин свирепого вида поднял целую охапку ветвей, с ликованием указал на темные пятна крови на листьях и закричал что-то. Хейворд мог понять смысл его слов только потому, что он несколько раз повторил имя Длинный Карабин. Торжествующие голоса гуронов замолкли; воин бросил ветку на гряду, сложенную Дунканом перед входом во вторую пещеру, и таким образом завалил отверстие, через которое смотрел майор. Остальные дикари подражали ему; вытаскивая ветки из пещеры разведчика, они бросали их на гряду ветвей сассафраса, не предполагая, что таким образом сами же прятали людей, которых искали.

Когда под давлением новых охапок зелени одеяла подались, а ветви от собственной тяжести забили в трещины камней, образовав плотную массу, Дункан, вздохнув свободно, вернулся на середину пещеры и остановился на прежнем месте, с которого мог видеть второй выход, обращенный к реке. В ту минуту, когда он отступал от гряды сассафраса, индейцы, как бы поддаваясь общему побуждению, очистили проход между двумя пещерами, и теперь было

слышно, как они снова побежали по острову к тем камням, на которые недавно высадились. Их новый жалобный вопль доказал, что они опять собрались подле тел своих убитых товарищей.

Теперь Дункан решил посмотреть на своих спутниц, потому что в течение опасных минут он боялся своим встревоженным лицом еще больше испугать девушек.

– Они ушли, Кора, – шепнул он. – Алиса, они вернулись на то место, где появились впервые, и мы спасены.

– Тогда я поблагодарю небо! – произнесла Алиса, освобождаясь из объятий Кору и преклоняя колени. – Я поблагодарю небо, которое избавило от слез нашего седого отца и спасло жизнь тех, кого я люблю больше всего в мире...

Дункан и Кора наблюдали искреннее чувство с горячей симпатией. И Дункан подумал, что никогда еще молитва не исходила от существа более прекрасного, чем юная Алиса.

Глаза Алисы сияли светом благодарности, прелестный румянец залил ее щеки; но, когда ее губы уже раскрылись для молитвы, слова, которые они собирались произнести, внезапно замерли, румянец сменила смертельная бледность, нежный блеск ее глаз потух, черты лица исказились от ужаса, судорожно сведенные пальцы указали на что-то. Хейворд повернулся и, взглянув на плоскую скалу, которая составляла как бы порог открытого отверстия пещеры, увидел злобные, свирепые черты Хитрой Лисицы.

Несмотря на неожиданность, самообладание не покинуло Дункана. По выражению лица индейца майор понял, что Магуа еще ничего не успел разглядеть в полумраке пещеры. Он уже хотел было отступить за выступ стены, которая все-таки могла скрыть его и его спутников, но в эту минуту понял, что отступить поздно.

Выражение глубокого торжества в чертах дикаря вывело Дункана из себя; забыв обо всем на свете и поддаваясь только порыву гнева, Хейворд прицелился и выстрелил. Вся пещера загудела, точно от звука извержения вулкана; когда же ветер, дувший из ущелья, рассеял клубы дыма, извергнутые гротом, на месте, где только что было видно злобное лицо предателя-проводника, никого не оказалось. Хейворд бросился к выходу и увидел, как темная фигура дикаря кралась вдоль низкого узкого выступа скалы и скоро окончательно исчезла из виду.

После грома выстрела среди дикарей воцарилось страшное молчание, но когда раздался продолжительный и понятный для них крик Лисицы, топот ног и вопли стали снова приближаться, и, раньше чем Дункан успел оправиться от потрясения, хрупкая преграда из ветвей была разбросана во все стороны. Индейцы хлынули в пещеру с обоих концов. Хейворда и девушек вытащили из убежища, и их окружила толпа торжествующих гуронов.

Глава X

*Боюсь, что утром так же мы просним,
Как незаметно за ночь засиделись.*
Шекспир. «Сон в летнюю ночь»

Едва это внезапное несчастье обрушилось, Дункан стал наблюдать за действиями победителей. Краснокожие дергали украшения его мундира, в их глазах горело желание завладеть шитьем и галунами. Но грозные окрики исполина останавливали дикарей, и это убедило Хейворда, что его и Кору с Алисой решили щадить до какого-то особого момента.

Пока молодые гуроны выказывали признаки алчности, более опытные воины продолжали обыскивать обе пещеры со вниманием, которое доказывало, что они не удовлетворены достигнутым успехом. Не находя иных жертв, усердные мстители подступили к Дункану и Давиду, повторяя имя Длинный Карабин и произнося эти слова с таким злобным выражением, что нельзя было усомниться, о чем они спрашивали. Дункан притворился, будто не понимает значения их вопросов, Давид же действительно не знал французского языка. Наконец настойчивость гуронов утомила Хейворда; кроме того, он боялся раздражать своих победителей упрямым молчанием. Он оглянулся, отыскивая глазами Магуа, который мог перевести его ответы на вопросы гуронов; их голоса звучали все более настойчиво и грозно.

Поведение Магуа резко отличалось от образа действий его товарищей. Пока все остальные старались удовлетворить свою ребяческую склонность к грабежу, присваивая жалкое имущество разведчика, Хитрая Лисица спокойно стоял поодаль от пленников: он был, по-видимому, доволен, как будто уже достиг главной цели своего предательства. Когда глаза Хейворда впервые встретили взгляд его недавнего проводника, майор невольно с ужасом отвернулся от зловещего, хотя и спокойного лица Магуа. Однако, победив отвращение, он заставил себя говорить с ним.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.